

В. АНТОНОВ

РУССКИЙ ДРУГ МАРКСА

ГЕРМАН
АЛЕКСАНДРОВИЧ
ЛОПАТИН

ИЗДАТЕЛЬСТВО
СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ
ЛИТЕРАТУРЫ
МОСКВА • 1962

*«Не многих людей я так
люблю и так уважаю, как его».*

К. Маркс.

ВВЕДЕНИЕ

Революционная деятельность Германа Александровича Лопатина развивалась на протяжении двадцати лет — с середины 60-х до середины 80-х годов XIX в., однако бурный поток движения революционного народничества не захватил его. Не странно ли, что человек твердых революционных убеждений и дерзкой смелости, каким был Лопатин, лишь только в начале 1884 г., когда, казалось, угасли последние искры революционного огня народничества, примкнул к тогда уже разбитой царизмом и деморализованной предательством партии «Народная воля»? А до этого он был членом Международного товарищества рабочих и его Генерального Совета, стал близким другом К. Маркса и Ф. Энгельса и перевел первый том «Капитала» на русский язык.

— Кто же он? К какому идейному лагерю принадлежал? Чем дорог он памяти потомков?

Понять и оценить Лопатина как исторического деятеля пытались уже его современники — столь ярка была его индивидуальность, но до сих пор нет и, может быть, не скоро появится труд, автор которого сумеет единым взором охватить и верно отобразить весьма емкий и динамичный образ революционера, его многогранную и широкую натуру.

Первым, кто пытался запечатлеть для потомства дела и образ Лопатина, был его друг Г. И. Успенский. Деятельность революционера и сама его личность послужили Глебу Ивановичу материалом для повести, названием которой — «Удалой доброй молодец» — он хотел подчеркнуть наиболее, на его взгляд, отличительные качества героя своего произведения. «Повесть, которую пишу, — автобиография, но не моя личная, а нечто вроде Л[опатина]», — писал он Н. К. Михайловскому о задуманной работе и далее продолжал уже о самом герое: «Чего только он не видал на своем веку. Его метало из губернаторских чиновников в острог на Кавказ, с Кавказа в Италию, прямо к битве под Ментоной, к Герцену, потом в Сибирь на три года, потом на Ангари, по которой он плыл тысячу верст, потом в Шенкурск, в Лондон, в Цюрих, в Париж. Он видел все и вся. Это целая поэма. Он знает в совершенстве три языка, умеет говорить с членом парламента, с частным приставом, с мужиком, умеет сам притвориться и частным приставом, и мужиком, и неучем и в то же время может войти сейчас на кафедру и начать о чем угодно вполне интересную лекцию. Это изумительная натура. Я и думать не могу охватить все это, но уголок я постараюсь взять в свою власть»¹.

Сильно интересовал образ Лопатина И. С. Тургенева, а Л. Н. Толстой даже воспользовался его рассказами в своем творчестве. Об этом в дневнике М. С. Сухотина есть такая запись: «...судя по тому, что он (Л. Н. Толстой. — В. А.) говорил Горькому, Толстой встречался с известным революционером Г. А. Лопатиным, который рассказывал ему о себе, о своем пребы-

¹ Г. И. Успенский, Собр. соч., т. 9, М., 1957, стр. 291.

вании в одиночном заключении. А это в свою очередь дает материал для творческой истории повести Толстого «Божеское и человеческое» (см. главу из этой повести — Меженецкий в тюрьме в одиночной камере)»¹.

Образ Игнатия Меженецкого, революционера-террориста, кончающего жизнь самоубийством, ни в коей мере нельзя отождествлять с образом Лопатина, но в десятой главе Л. Н. Толстой для обрисовки своего героя действительно воспользовался рассказами Лопатина о том, как он переживал одиночное заключение. Лопатин, записал М. С. Сухотин со слов Л. Н. Толстого, «мысленно переносил себя, куда ему вздумается. Например, он идет по такой-то улице, смотрит на магазины, на людей, входит в такой-то дом, подымается по лестнице, входит к приятелю, говорит то-то, ему отвечают и т. д. и т. д. Время проходит незаметно, и при этом он управляет воображением, а не воображение им, что бывает со многими заключенными, доходящими до галлюцинаций»².

Поражало и большое хладнокровие Лопатина. «Раз ему нужно было уехать из России, — читаем мы в том же дневнике М. С. Сухотина. — Он имел паспорт французского подданного. За ним следили. На границе жандармский офицер заподозрил, что это Лопатин, и арестовал его. Лопатин притворился ни слова по-русски не понимающим и все время протестовал на чистейшем французском языке. Офицер сказал, что по телеграфу где-то наведет справки о нем. Через несколько часов офицер влетел в комнату, куда был посажен Лопатин, и радостно закричал ему по-русски: «Вы свободны!» — «Vous dites?» (фр. — «Что вы сказали?») — спокойно спросил Лопатин. Ну тогда офицер вполне убедился, что это не Лопатин, угостил его ужином и вином и усадил на ближайший поезд»³.

¹ Литературное наследство. Лев Толстой. Книга вторая, т. 69, М., 1961, стр. 156.

² Там же, стр. 146.

³ Там же, стр. 156.

Хорошо знал Лопатина и А. М. Горький, познакомившийся и сдружившийся с ним значительно позже, в период 1908—1913 гг., когда Лопатин жил за границей после многолетнего пребывания в крепости. В 1918 г. А. М. Горький в числе немногих проводил Лопатина в последний путь. «Хоронили Гермапа Лопатина, одного из талантливейших русских людей, — писал после этого Горький. — В стране культурно дисциплинированной такой даровитый человек сделал бы карьеру ученого, художника, путешественника, у нас он двадцать лет, лучшие годы жизни, просидел в Шлиссельбургской тюрьме»¹.

Первую краткую биографию Г. А. Лопатина написал П. Л. Лавров. Приступая в 1888 г. к своему труду после гражданской смерти Лопатина — пожизненного заключения в Шлиссельбургскую крепость, Лавров, несмотря на многолетнюю дружбу с ним, оказался в большом затруднении. Его попытка собрать данные «громдного целого» не привела к успеху. Многие, к кому он тогда обращался за нужными материалами, из-за боязни обнаружить свою связь с Лопатиным отказывались передать или сообщить что-нибудь об осужденном. О многом, боясь повредить людям, не мог сказать тогда и сам Лавров, поэтому свои воспоминания он скромно назвал «Запиской о Г. А. Лопатине»².

Сам Лавров ограничился краткими зарисовками отдельных эпизодов богатой и разносторонней жизни Лопатина, но тем не менее его «Записка» по красочности литературного изложения, достоверности фактов из жизни революционера до сих пор для биографа Г. А. Лопатина представляет большую ценность. Достаточно сказать, что многие десятилетия, пока не были собраны в архивах и не стали доступными исследователю письма и следственные документы, она была основным источником для лиц, пытавшихся рассказывать о Лопатине.

¹ М. Горький, Собр. соч., т. 24, М., 1953, стр. 275.

² П. Л. Лавров, Записка о Г. А. Лопатине. «Процесс 21-го», Женева, 1888, стр. VII—VIII.

«Записка» П. Л. Лаврова была биографическим введением к публикации материалов, как его называют в литературе, «Процесса 21-го», по которому судились в мае — июне 1887 г. Лопатин и его соратники. Читатель найдет в них описание отвратительной комедии, разыгранной властями для демонстрации самодержавно-полицейского «правопорядка» и «законности».

Революция 1905 г. освободила узников Шлиссельбурга. Они вышли на свободу с подорванным здоровьем, но их окружила слава почти мифических героев. О них заговорила печать. Многие сами писали воспоминания. Г. А. Лопатин, сохраняя и в этом свою индивидуальность, старался сдерживать пыл биографов, а порой просто решительно отделялся от них и в сущности ничего и сам не написал о себе. В период после революции 1905—1907 гг. и после его смерти ему были посвящены небольшие очерки-воспоминания. В их числе следует назвать работы Н. С. Русанова, А. Баха, Л. Дейча, С. Мельгунова, И. И. Попова, Мак. Попова, Г. Н. Прозрителева¹.

Каждый из этих авторов знал Лопатина или в годы его революционной деятельности, или в конце жизни и в своих работах отмечал что-либо новое из истории революционной или личной жизни Лопатина. При этом в работе И. И. Попова была сделана попытка обобщить имевшиеся о Лопатине материалы в виде его биографии, однако стержневой основой его работы остались факты, уже изложенные в «Записке о Г. А. Лопатине» П. Л. Лавровым.

¹ См. *Н. Кудрин* (Н. С. Русанов.— В. А.), Герман Александрович Лопатин. Галерея шлиссельбургских узников, СПб., 1907, т. I; *А. Бах*, Воспоминания народовольца. «Былое», год второй, 3/15, март 1907 г.; *Л. Дейч*, Г. А. Лопатин. «Голос минувшего», 1919 г., № 5—12; *С. Мельгунов*, Встречи, I, Г. А. Лопатин. «Голос минувшего», 1920—1921 гг. (год издания IX); *И. И. Попов*, Герман Александрович Лопатин (1-е изд., 1922), М., 1930 (изд. 2-е); *Мак. Попов*, Заметка о Г. А. Лопатине. «Каторга и ссылка» № 5 (12), М., 1924; *Г. Н. Прозрителев*, Герман Лопатин в Ставрополе на Кавказе (материалы к биографии). Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии, кн. I (том III), вып. 5—6, Ростов-на-Дону, 1929.

Особое место как источник для выяснения мировоззрения Лопатина и его отношений с К. Марксом занимают опубликованные записи бесед с ним разных лиц. В 1918 г. М. Неведомский поместил в газете «День» статью «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом»¹, в 1920 г. А. Финн-Енотаевский — «Герман Лопатин о К. Марксе»² и в 1927 г. С. П. Струмилина-Петрашкевич — «Г. Лопатин. Воспоминания о И. С. Тургеневе»³. Эти работы ценны тем, что их содержание не только записано со слов Лопатина, но и проверялось, а то и тщательно редактировалось («Воспоминания о И. С. Тургеневе») им самим.

Важное биографическое значение имеет выступление в 1908 г. на страницах журнала «Минувшие годы» Н. Даниельсона со статьёй «Заметки о переводе писем К. Маркса и Ф. Энгельса к Николай-ону» (Даниельсону). Н. Ф. Даниельсон рассказал здесь историю перевода «Капитала» и особенно остановился на описании переводческой работы Г. А. Лопатина. Отсюда же мы узнаем, что Г. А. Лопатин, проявляя высокое сознание свершаемого дела и бескорыстие, передал переведенную им часть «Капитала» в полную собственность Н. Ф. Даниельсона, который завершил начатый им труд.

Первоисточниками для характеристики личности Лопатина являются его статьи, показания на допросах, следственные материалы и письма. Первая категория документов была собрана и издана в 1922 г. А. А. Шиловым⁴. А. А. Шилову удалось выявить и собрать почти все произведения Лопатина и значительную часть следственных материалов. Составленная им биография Г. А. Лопатина пока является единственной, хотя и для своего времени она была далеко не полной.

¹ См. газету «День» от 4 мая 1918 г.

² См. «Былое» № 5, 1920.

³ См. «Красная Новь» № 8, 1927.

⁴ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография. Показания и письма. Статьи и стихотворения. Библиография. Подготовил к печати А. А. Шилов. Пгр., 1922.

Богатое эпистолярное наследие Г. А. Лопатина хранится в архивных фондах¹ и почти совершенно неизвестно массовому читателю, а между тем именно в письмах Лопатина с наибольшей яркостью проявился его литературный талант, что давало повод самому И. С. Тургеневу не раз убеждать автора взяться за литературную деятельность.

Материалы о Ставропольской, Иркутской, Ташкентской и Вологодской ссылках Лопатина находятся в соответствующих краевом и областных архивах. В фондах 102, 109, 120 III отделения, фонде департамента полиции (5-е делопроизводство) ЦГАОР содержатся переписка и распоряжения властей по делу Лопатина, а также прошения и часть писем революционера. Следственные материалы, часть вещественных доказательств (в копиях или изложении) и обвинительное заключение по «Процессу 21-го» хранятся в четырех томах фонда петербургского военно-окружного суда (№ 545) Центрального государственного военно-исторического архива (ЦГВИА). Часть материалов о Г. А. Лопатине выявлена В. П. Крикуновым в Тбилисском архиве².

С начала 30-х и до конца 40-х годов XX в. имя Лопатина почти исчезло со страниц печати.

Первым «воскресил» Германа Александровича в литературе ставропольец А. В. Попов, опубликовавший в 1949 г. свою работу «Г. А. Лопатин»³. За ним в 1951 г. в «Вопросах истории» Н. Саморуков выступил со статьей «Общественно-политическая деятельность Г. А. Лопатина (1845—1918)».

¹ Центральный партийный архив Института марксизма-ленинизма при ЦК КПСС (ЦПА ИМЛ), ф. I, оп. 3, е. х. 256; Центральный государственный архив Октябрьской революции и социалистического строительства (ЦГАОР), ф. 1762, 5802; Центральный государственный архив литературы и искусств СССР (ЦГАЛИ), ф. 1329; Архив Института русской литературы (Пушкинский дом), ф. 534; отдел рукописей Государственной библиотеки имени В. И. Ленина.

² См. В. П. Крикунов, Революционные разночинцы на Северном Кавказе, Нальчик, 1958.

³ См. Материалы по изучению Ставропольского края, вып. 1-й, 1949

Статья Н. Саморукова пробудила интерес к Лопатину, но следующая работа о нем вышла лишь через девять лет. Ю. М. Рапопорт в 1960 г. опубликовал брошюру «Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин)».

В предлагаемой работе в отличие от опубликованной автором в 1960 г. в Липецком областном издательстве биографии Г. А. Лопатина («Герман Лопатин», Липецк, 1960 г.) главным образом рассказывается о революционной деятельности Г. А. Лопатина в период его дружбы с К. Марксом (1870—1883 гг.) и в последние месяцы перед арестом в 1884 г. В ней использованы известные публикации о Г. А. Лопатине и архивные материалы (кроме лопатинского фонда Иркутского архива).

ГЛАВА I

ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА

СТУДЕНЧЕСКИЕ ГОДЫ

13 января (ст. ст.) 1845 г. в семье нижегородского чиновника Александра Никонovichа Лопатина родился сын Герман. На шестом году жизни мальчика семья Лопатиных переехала на Кавказ. Отец вскоре занял важный пост председателя казенной палаты Ставропольской губернии. Строгое соблюдение требований службы было отмечено присвоением ему звания потомственного дворянина и действительного тайного советника, награждением многими орденами. Однако дети его (их было восемь человек), выраставшие в эпоху 50—60-х годов XIX в., проникались передовыми идеями своего времени, а один из них, Герман, всю свою жизнь посвятил революционной борьбе с самодержавием. Щедро одаренный природой, он уже в гимназические годы приобрел солидные для своего возраста познания. Предметом его увлечений были естественные науки. Они уже в отроческие годы помогли ему освободиться от духовной власти церкви и бога, бросить критический взор на устройство жизни и обнаружить в ней несправедливость. Стараясь разобраться в причинах социального зла, Лопатин-гимназист познакомился с учением Фурье, Прудона, прочитал многие публицистические произведения А. И. Герцена¹.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 11, л. 6.

Окончив с золотой медалью Ставропольскую гимназию¹, Герман Лопатин совершил с отцом путешествие по Волге, а затем через Москву приехал в Петербург.

Осенью 1862 г. он поступил на естественное отделение физико-математического факультета Петербургского университета. Год поступления Лопатина в университет был трудным для русской революционной молодежи. Остановив первую волну народного движения, вызванного грабительской реформой 1861 г., реакция перешла в наступление. Были закрыты демократические органы печати, арестованы многие революционеры, в том числе их вождь — Н. Г. Чернышевский.

Герман тяжело пережил весть о закрытии властями любимых им журналов — «Современника» и «Русского слова»². Лишившись в них идейных наставников, Лопатин был обезоружен и на какое-то время усомнился в авторитете А. И. Герцена, Н. Г. Чернышевского и «Современника»³. «Вообще многое во мне изменяется: голова работает сильно, — писал он в этот момент сестре Ольге в Ставрополь. — Разные пустые обстоятельства рождают новые мысли, которые цепляются одна за другую, ползут, ползут и расползаются в теории, системы, рушатся, поднимаются... одним словом, хаос!»⁴

Однако такое состояние продолжалось недолго. Лопатин скоро сблизился с революционно настроенными студентами и с ними в жарких спорах пытался разобраться в сложных для его времени вопросах философии и жизни. И он достиг определенного успеха. На предложение сторонников Д. Каракозова вступить в их группу, готовившую покушение на царя, Лопатин не только ответил отказом, но и старался убедить своих друзей во вреде для революции их затей. Позже, рас-

¹ Г. А. Лопатин окончил гимназию в январе 1862 г. Государственный краевой ставропольский архив (ГКСА), ф. 16, оп. 1, е. х. 2220.

² ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 11, л. 7.

³ Там же, л. 19—21.

⁴ Там же, л. 21.

сказывая в журнале П. Л. Лаврова «Вперед!» о И. А. Худякове, одном из главных руководителей заговорщической группы в Петербургском университете, Лопатин объяснил причину своего отказа участвовать в заговоре. «На теоретические *прощупывания*, — писал он, — я заявил полнейшее недоверие к тому, чтобы насильственная смерть государя, при отсутствии сколько-нибудь сильной революционной партии и при тогдашних обстоятельствах, могла вызвать в народе какие-нибудь *смуты*, а главное, чтобы подобные смуты, если бы они и произошли, могли повести к чему-нибудь путному, кроме усиления реакции»¹.

Эту же мысль несколько раньше, но с более обстоятельным обоснованием Лопатин высказал и в письме к губернатору Восточной Сибири Синельникову (о причинах обращения к нему Лопатина речь пойдет ниже). Он не скрывал от царского слуги своего отрицательного отношения к господствовавшему в стране общественному строю.

Ссылаясь на опыт истории, Лопатин писал, «что во все времена и у всех народов всякому великому перевороту в общественном строе предшествовало всегда предварительное распространение известных идей в народной *массе* и что все т. н. заговоры, все эти преждевременные нетерпеливые *попытки интеллигентного меньшинства* к насильственному ниспровержению существующего общественного строя, опирающегося на *несокрушимую поддержку* малоразвитого, но неизмеримо *сильнейшего большинства*, никогда не приводили ни к чему, кроме усиления реакции и задержки на *несколько лет* правильного общественного развития»².

4 апреля 1866 г. Д. Каракозов сделал неудачную попытку убить Александра II. Его выстрел послужил властям поводом к проведению новых массовых репрессий против революционеров. Начались повальные

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 66.

² Там же, стр. 139.

аресты. Герман Лопатин, неskomпрометированный участием в заговоре, стремился сделать все, чтобы «налетевшая буря захватила поменьше жертв», но аресты, «сыпавшиеся, как град», не миновали и его. 13 мая он оказался в Петропавловской крепости. Это первое заключение длилось всего два месяца и окончилось благополучно.

Все эти события произошли в последние месяцы перед окончанием университета, когда Герман напряженно работал над освоением последних достижений биологической науки и готовился к выпуску. От усиленных занятий его отвлекал переводческий труд, которым Лопатин жил все годы пребывания в университете (от помощи отца он отказался еще на первом курсе).

В небольшом деле Г. А. Лопатина, хранящемся в Государственном историческом архиве Ленинградской области, есть интересный документ, свидетельствующий о близком участии, которое принял Д. И. Менделеев в разрешении финансовых нужд своего ученика, «Профессор Менделеев, — говорится в нем, — свидетельствуя об успешных занятиях студента IV курса естественного отделения Г. Лопатина, покорнейше просит оказать ему воспомоществование, так как г-н Лопатин в настоящее время весьма нуждается в таком пособии». Но ниже следует другая запись: «28 апреля 1866 года определено: так как студент Лопатин вносит установленную за слушание лекций плату и при делах университета нет никаких доказательств о его бедности, то правление не считает возможным назначить студенту Лопатину пособие»¹. То, что Лопатину, который, конечно, не мог пользоваться уважением начальства, отказали в помощи, не столь важно, но несомненный интерес представляет участие в этом деле Д. И. Менделеева. Великий ученый обратил внимание на одаренного студента и стремился помочь ему сберечь время, уходившее на заработки, для занятий науками.

¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, е. х. 2360, л. 24.

В октябре 1866 г. Лопатин успешно окончил университет. Почти по всем предметам, внесенным в диплом, он получил отличную оценку¹.

После окончания университета Лопатин стал готовиться к защите диссертации на тему «О самопроизвольном зарождении». «Из всех русских работ прошлого столетия, посвященных проблеме самозарождения, — как об этом пишет ленинградский исследователь Н. Н. Банина, — труд Германа Александровича являлся наиболее полным, всесторонне освещающим вопрос». В диссертации Лопатин страстно отстаивал материалистическое мировоззрение. В мае 1867 г., после успешной защиты, он получил степень кандидата Петербургского университета.

ПЕРВАЯ ССЫЛКА

В двадцать два года Лопатин вошел в жизнь с небольшим, но достаточно поучительным революционным опытом и весьма солидной научной подготовкой.

Отказавшись от сделанного ему предложения остаться на кафедре университета, молодой и одаренный ученый встал на путь революционной борьбы. В 1867 г. вокруг него объединилась небольшая, но энергичная группа товарищей, которые, как это было свойственно лучшим представителям тогдашней молодежи, все помыслы и силы свои стремились посвятить отчизне. Ядро ее составили пять человек: Г. А. Лопатин, Н. Ф. Даниельсон, М. Ф. Негрескул, Н. Н. Любавин, Н. Ф. Киршбаум². Даниельсон, Негрескул и Киршбаум в 1862 г. окончили Коммерческое училище, а затем посещали лекции в университете, где тогда учился Лопатин. Любавин тоже был студентом университета. Там они и познакомились, а затем вместе стали рабо-

¹ ГИАЛО, ф. 14, оп. 5, е. х. 2360, л. 33.

² См. Н. К. Каратаев, О «спорных» вопросах истории первого русского перевода «Капитала» К. Маркса. «Известия Академии наук СССР», Отделение экономики и права, № 4, М., 1947, стр. 253—254; А. Л. Реуэль, Русская экономическая мысль 60—70-х годов XIX в. и марксизм, М., 1956, стр. 225.

тать (за исключением Н. Любавина) в обществе взаимного кредита.

Впервые о целях лопатинского кружка на страницах печати рассказал М. Неведомский. 4 мая 1918 г., после бесед с Г. А. Лопатиным, он выступил в газете «День» со статьей «Г. А. Лопатин о своих встречах с Марксом». «...Молодежь того кружка, с которым он (Лопатин.— В. А.) сблизился,— писал М. Неведомский со слов Г. А. Лопатина,— живо интересовалась социальными и экономическими вопросами. Первое упоминание о Марксе как «нашем учителе» они нашли у Лассалля и выписали сначала «Zur Kritik», а потом и первый том «Капитала» на немецком языке. В кружке скоро возникла мысль о переводе этого первого тома...»

Таким образом, только что вышедший в 1867 г. в свет I том «Капитала» К. Маркса немедленно нашел самый живой отклик в России. Группе Германа Лопатина принадлежит честь первой идеи о переводе «Капитала» и распространении изложенного в нем революционного учения Маркса.

Нужно заметить, что отдельные произведения Маркса и Энгельса были известны в России уже с 40-х годов, во времена Белинского, и в дальнейшем интерес к ним все усиливался. В 1861 г. один из выдающихся соратников Н. Г. Чернышевского, Н. В. Шелгунов, выступил в «Современнике» со статьей «Рабочий пролетариат в Англии и во Франции», в основу которой был положен труд Ф. Энгельса «Положение рабочего класса в Англии». Эта статья, популяризовавшая рабочий вопрос и его научное освещение Энгельсом, всколыхнула бурно работавшую русскую революционную мысль 60-х годов.

В 60-е (и последующие) годы страстным проповедником экономического учения К. Маркса в России был доцент Киевского университета Н. И. Зибер.

В 1867 г., когда зародилась идея перевода «Капитала» на русский язык, представления Лопатина о марксизме не выходили за рамки общего среди русских революционеров взгляда на него. Задумав перевод «Капитала», группа Лопатина отнюдь не разделяла идеи

463850
марксизма, но хотела использовать авторитетное имя Маркса и по-своему понимаемый ими призыв великого мыслителя к революционной борьбе за социализм для ускорения процесса развития революционной мысли в России, которая титанически работала в поисках правильной революционной теории. В этой связи намерение группы Лопатина перевести «Капитал» К. Маркса на русский язык обнаруживало у ее членов самые передовые устремления. Герману Лопатину, тогда уже опытному переводчику, товарищи предложили взяться за перевод «Капитала», однако он отказался от этой работы. Разделяя идею перевода, он в то же время решил выяснить, готов ли народ русский откликнуться на зов революционеров, способен ли он воспринять революционные идеи, с которыми они собираются к нему идти.

«Меня всегда смущало то обстоятельство,— писал он через несколько лет о своих раздумьях этого времени,— что большая часть так называемой прогрессивной молодежи обсуждает вопросы нашей внутренней жизни почти исключительно на основании теорий, почерпнутых из иностранных книжек, да, пожалуй, еще на основании собственных соображений чисто отвлеченного свойства. Большая часть из них, покинув провинцию для университета чуть не в детском возрасте, обладает слишком ничтожным знакомством с действительным положением и жизнью народа для того, чтобы это знакомство могло влиять контролирующим образом на их теоретические взгляды и практические предприятия. Печальные результаты, проистекающие из такого порядка вещей, понятны сами собой»¹.

В этой оторванности от жизни, незнании ее, объединении на чисто теоретических основах Лопатин и видел слабость революционного движения своего времени. Отсюда для него естественно вытекал вывод, что, прежде чем приступить к практическим действиям в революционной борьбе или даже идти проповедовать

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 67.

революционные теории, необходимо основательно изучить жизнь, рассмотреть поближе этого загадочного сфинкса, называемого народом»¹.

В конце 1867 г., не порывая со своим кружком, Лопатин задумал осуществить широкое предприятие по изучению экономики страны, быта, настроений и дум народа.

«Мы», — писал об этом Лопатин, — рассчитывали получить таким образом возможность ознакомиться основательно с экономическим положением народа, его нуждами и потребностями, с его взглядами на вещи и его умственным развитием, со степенью его восприимчивости к известным идеям, а также со степенью основательности тех надежд, которые возлагаются на него пылкими приверженцами быстрого прогресса. Такое солидное знакомство с народом позволило бы нам составить себе ясное понятие об истинном положении вещей внутри нашего отечества и сознательно избрать себе на будущее время тот путь, следуя которому мы могли рассчитывать принести наиболее пользы вскорившему и воспитавшему нас обществу»².

Для осуществления этой цели Герман Лопатин совместно с Феликсом Волховским выдвинул идею создания специального общества, которое им было названо (по размеру членских взносов) «рублевым». Организаторы предполагали составить его из учителей, которые, не возбуждая особого подозрения, могли бы «кочевать» из села в село для обучения детей и одновременно выполнять специальное задание. Предприятие это, широко задуманное, однако, не было осуществлено. Полиция сумела выследить первые же сборы сторонников Лопатина³ и в самом начале деятельности арестовала обоих руководителей.

Лишь умелая маскировка общества как просветительской организации спасла их от суровой расправы.

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 68.

² Там же.

³ ЦГАОР, ф. 109, оп. 1, е. х. 330.

После восьмимесячного заключения Волховского освободили, а Г. Лопатин, допустивший при допросах резкие выражения против следователей, был приговорен к ссылке в Ставрополь, но с правом поступления на государственную службу.

Благодаря влиянию отца Лопатин сначала был числен без должности к канцелярии губернатора, а с января 1869 г. стал его чиновником особых поручений. Эта должность, не связанная с исполнением каких-либо определенных казенных обязанностей, не теснила свобододолюбивую натуру ссыльного. Да и очарованный Лопатиным губернатор делал все, чтобы примирить его с «вынужденным чиновничеством», «акклиматизировать» в своем крае и таким образом вернуть на путь «праведный».

Расположение и покровительство губернатора открывало перед Лопатиным возможность даже полезной деятельности, чем он и воспользовался. «Я старался, — говорил Лопатин, — извлечь из моего нового положения все те поучения, которые оно только могло доставить, и принести на этом непривычном для меня поприще всю ту пользу, которую только допускали окружавшие меня условия и мои собственные силы»¹.

Обратив внимание на распространенный в Ставрополье общинно-захватный характер землепользования, когда решающую роль при распределении земли играло право сильного, он добился согласия провести реформу по замене захватного землепользования общинно-передельным. При этом было установлено правило, что передел земли должен производиться путем широкого обсуждения постановлений сельских и волостных сходов. Эта реформа активизировала массы и в какой-то мере позволяла трудовому крестьянству на сходах, имевших бурный характер, отстаивать свои интересы. Много позже Лопатин отмечал это мероприятие как одно из самых важных в своей деятельности чиновника.

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 69.

В другой раз он занимался устройством переселившихся в Ставропольскую губернию эстонцев.

Кроме этих эпизодических поручений Лопатин некоторое время исполнял обязанности письмоводителя в Комитете общества попечения больных и раненых воинов, заведовал местной публичной библиотекой. Каждый из сделанных при исполнении служебных обязанностей в Ставрополье шагов позволял Лопатину самому глубже заглянуть в жизнь. Особенно примечательна в этом смысле была его деятельность как библиотекаря. Сам Лопатин довольно скромно определяет ту роль, какую он играл в качестве библиотекаря: «Преобразовал местную общественную библиотеку, сделав ее сборным просветительным центром для местной прогрессивной учащейся молодежи»¹. На самом же деле группировавшаяся вокруг Лопатина в библиотеке молодежь — главным образом учащиеся гимназии и духовной семинарии — была объединена им в кружок, где велась революционная пропаганда. Указание на это мы находим в воспоминании М. Попова, который в 1900 г., после возвращения из ссылки за «лопатинское» дело, поселился в Ставрополе. Познакомившись с некоторыми из бывших гимназистов и семинаристов — читателей Лопатина, он узнал, «что Г. А. (Герман Александрович. — В. А.) организовал в Ставрополе кружок из числа посещавших библиотеку молодых людей. Из членов этого кружка, — писал далее М. Попов, — я застал в живых частного поверенного А. А. Сурина и отставного чиновника Бурнаковского.

Сурин помнил хорошо не только Г. А., но и М. Ф. Фроленко... Потом он вспомнил, как Г. А. в их кружке знакомил с революционной литературой, вел систематические беседы и проч.»².

Кроме учащейся молодежи, ссыльных студентов в лопатинский кружок входило и несколько представителей местной интеллигенции, среди которых Г. Н. Про-

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 10.

² М. Попов, Заметка о Г. А. Лопатине. «Каторга и ссылка» № 5 (12), М., 1924, стр. 125.

зрителей¹ и современный исследователь революционной деятельности разночинцев на Кавказе В. П. Крикунов² называют Кудринского, Неймана, А. Сидоренко, Абрамова, Гамалицкого. Двое последних, как установил по архивным документам В. П. Крикунов, уже пытались распространять «в пределах Северного Кавказа» учение социалистов. Лопатин также имел большие связи с лицами «из простого класса».

Несомненно, Лопатин дал большой толчок развитию революционной мысли в среде ставропольской молодежи. Именно из ее среды вышли потом такие выдающиеся революционеры-народники, как М. Фроленко и Адриан Михайлов, бывшие во время лопатинской ссылки учащимися Ставропольской гимназии.

Время ссылки было весьма важным и в развитии самого Лопатина. Он жадно ищет путь к правильной революционной теории. Постоянно поддерживая связь «с внешним миром», он был осведомлен не только о бурных событиях, происходивших в 1869 г. в России в связи с выступлением нечаевской группы, но и следил за революционной жизнью Западной Европы. На международной арене в это время разворачивалась гигантская борьба марксизма с бакунизмом. Последний начинал делать свои первые шаги и на русской земле. Лопатин решил познакомиться с теоретическими позициями Нечаева, Бакунина и впервые серьезно обратился к учению Маркса. Через одного из своих товарищей он установил связь с Бакуниным и Нечаевым, но, не найдя ответа на волновавшие его вопросы в их теории, прекратил с ними переписку. Как писал сам Лопатин, он не примкнул к этому течению «по теоретическим разногласиям, выяснившимся путем переписки с Нечаевым и Бакуниным (через вторые руки) еще из Ставрополя»³.

¹ Г. Н. Прохазин, Герман Лопатин в Ставрополе, на Кавказе. Северо-Кавказское краевое общество археологии, истории и этнографии, кн. I (т. III), вып. 5—6, Ростов-на-Дону, 1929.

² В. П. Крикунов, Революционные разночинцы на Северном Кавказе, Нальчик, 1958.

³ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 10.

В то же время он вел длинную переписку с каким-то своим «теоретическим корреспондентом» о теориях Герберта Спенсера и Карла Маркса. Лавров писал, что все знакомые с этой перепиской говорили ему о ней с восхищением (заметим, что позже, в один из приступов реакции, этот неназванный Лавровым «теоретический корреспондент» заявил ему, что уничтожил переписку с Лопатиным).

В период ставропольской ссылки Лопатин стал изучать теорию В. Маркса. Значительно позже описываемого времени сам он писал по этому поводу: «...я — натуралист по образованию и приверженец строго научного мышления — заинтересовался впервые экономикой и социализмом только во время первой моей ссылки, прочитав там Лассалья и Маркса»¹. Речь здесь идет не вообще о социализме, знакомом ему еще с гимназических лет, а именно научном социализме Маркса, к которому теперь и обратил свой взор Лопатин. Не случайно поэтому, находясь в Ставрополе, Лопатин стал проявлять беспокойство о судьбе намечавшихся его петербургской группой переводов произведений Маркса. «Помните,— писал он Негрескулу 15 сентября 1869 г.,— Вы писали как-то, что члены Скита переводят Marx'a «Zur Kritik» и пр. Какая судьба постигла этот перевод, что он до сих пор не появляется в печати?»²

Активизацией революционной борьбы в России и желанием обстоятельнее изучить марксизм и обтянется принятое в этот момент Лопатиным решение вырваться из ссылки. Располагая обширным знакомством в Ставрополе, он стал готовиться к побегу. В письме от 15 сентября 1869 г. к Негрескулу он изложил план своего побега и просил своих петербургских друзей оказать ему в этом содействие. К тому же жизнь его в Ставрополе становилась невыносимой. На него был сделан донос³. В библиотеку зачастил начальник жан-

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 170.

² Там же, стр. 55.

³ См. А. В. Попов, Г. А. Лопатин. Материалы по изучению Ставропольского края, Вып. 1-й, 1949, стр. 94.

дармского управления, специальной ревизии подверг книжный фонд библиотеки исполняющий обязанности цензора старший чиновник по особым поручениям при губернаторе А. Н. Юрьев. И вот скоро грянул гром. Отправляя Негрескулу письмо с изложением плана побега, Лопатин просил «радикально уничтожить» его, но Негрескул этого не сделал. В ноябре 1869 г. он был арестован в связи с нечаевским делом, и письмо Лопатина попало в руки полиции. Лопатин также был немедленно арестован. 1 января 1870 г. жандармский капитан Афанасьев предъявил Лопатину его письмо, многие места которого были подчеркнуты, и потребовал объяснений. Лопатин был возмущен срывом своих планов, новым арестом и домогательствами следователя-жандарма. «На допросе,— писал Лавров,— он дал показания, долго циркулировавшие между молодежью как образчик прямоты и резкого тона, с которым должен держаться убежденный человек при допросе»¹.

В начале своего показания Лопатин с гневом говорил: «Прежде я полагал, что так как каждый человек имеет природное и неотъемлемое право защищать свою внутреннюю, интимную жизнь от насильственного вторжения в нее лиц, ему совершенно чуждых и не симпатичных, и так как законы этой страны, в которой я имел несчастье родиться, ни малейшим образом не обеспечивают частных лиц от подобных насильственных вторжений в их интимную жизнь, а общество недостаточно развито нравственно и недостаточно сильно, чтобы протестовать, помимо закона, против такого обращения с его членами, то поэтому ложь и увертки при допросах, подобных настоящему, представляют совершенно простибельное и даже законное оружие слабости перед насилием и произволом со стороны силы».

После этого на скорую милость рассчитывать не приходилось, но держали его на гауптвахте не строго, даже допускали свидания с родными и друзьями, водили на прогулку. 6 января 1870 г., выйдя под вечер на очеред-

¹ «Процесс 21-го», Женева, 1888, стр. XV.

ную прогулку, Лопатин скрылся. Власти бросились искать его, застучал телеграф, Извещая ближайшие и пограничные посты, но беглец как в воду канул. Между тем Лопатин спокойно переждал бурю, надежно укрытый человеком из «простого класса» — Козьмой Косым. За восемь дней, которые он провел у него, друзья достали Лопатину паспорт на имя отставного штабс-капитана Скимунта. Под видом его он и уехал в Петербург.

В столице Лопатин встретился с дочерью Лаврова Марией Петровной Петрескул, женой арестованного и его братом. Выяснилось, что они вот уже год ломают голову над планом бегства Лаврова из ссылки. Лопатин немедленно поехал в Кадников Вологодской губернии, где держали ссыльного, самым дерзким образом похитил Лаврова и затем дал возможность непрактичному философу по своему паспорту выехать за границу. Вскоре они встретились в Париже, и на всю жизнь остались самыми близкими друзьями.

ГЛАВА II

ПОЛГОДА С МАРКСОМ

ВСТУПЛЕНИЕ В ИНТЕРНАЦИОНАЛ

Оказавшись в Париже почти без копейки денег, Г. А. Лопатин поселился в крошечной комнатке на одной из улиц Латинского квартала. Очевидно, находясь в Петербурге, Лопатин на этот раз договорился с друзьями о переводе «Капитала», так как в Париже он сразу принялся за работу. Об этом свидетельствует Г. И. Успенский, посетивший Лопатина в первые дни его парижской жизни. «Приехал я,— вспоминал позже этот свой визит к Лопатину Г. И. Успенский,— к Г. А. вечером, он был занят переводом Маркса»¹.

Хорошо знавшая Г. А. Лопатина подруга его жены Н. К. Скворцова-Михайловская в рукописных воспоминаниях, хранящихся в отделе рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина в Ленинграде, писала, что «Герман Лопатин перевел «Капитал» Маркса, живя в Париже еще, и по этому поводу ездил в Лондон к Марксу»². Эти воспоминания писались многие десятки лет спустя, и их автор допустила ошибку, утверждая, что «Капитал» был переведен Лопатиным в Париже. Упоминание об этом факте Н. К. Скворцовой-Михайловской можно рассматривать лишь как одно

¹ Летопись государственного литературного музея. Глеб Успенский. Книга четвертая, М., 1939, стр. 200.

² Отдел рукописей Публичной библиотеки имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Воспоминания Н. К. Скворцовой-Михайловской. Шифр 1938, 464/2, стр. 14.

из дополнительных свидетельств, подтверждающих дневниковую запись Г. И. Успенского о том, что в Париже Лопатин работал над переводом.

Но прав ли Г. И. Успенский, указывая на то, что Лопатин в Париже «был занят переводом Маркса»? Выяснить этот вопрос помогает нам сам Лопатин, который уже из Лондона писал П. А. Лаврову 30 августа 1870 г. следующее:

«...мне предлагали много раз переводить «Kapital» Marx'a, я постоянно отказывался, но в последнее время, когда я прочел почти всю эту книгу, я увидел, что я могу перевести ее, особенно если взять во внимание проживание в одном городе с автором»¹. Из этих слов можно заключить, что все время пребывания в Париже с января по июнь 1870 г. и июль — август, когда Лопатин жил уже в Англии, он занимался изучением «Капитала», старался глубже постигнуть новое для него экономическое учение. Возможно, в Париже, когда у него был Г. И. Успенский, Лопатин делал пробные попытки перевода.

В высшей степени трезвый и логический ум Лопатина-исследователя не удовлетворялся одним книжным изучением марксизма, но сразу вызвал потребность проверить теоретические положения учения Маркса на практике. Ему нужно было сопоставить свои новые суждения с суждениями сторонников марксизма, изучить жизнь пролетариата. Преследуя эти цели, Лопатин сразу же по приезде в Париж вступил в одну из столичных секций I Интернационала (секцию изучения социальных наук) и быстро перезнакомился со всеми выдающимися деятелями Интернационала во Франции.

Пока еще не менее загадочный «сфинкс», чем русский крестьянин, европейский пролетариат живо интересовал Лопатина. 1870 год во Франции был годом предреволюционным. Все прогрессивные силы страны выступали против диктаторского режима Наполеона III. В авангарде их шел пролетариат, руководимый секциями Интернационала. Все эти явления классовой

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, д. 283-а, л. 32.

борьбы впервые воспринимались молодым русским революционером не из книг и рассказов, а из самой действительности и оставили глубокий след в его сознании, однако принять участие в борьбе французского пролетариата Лопатину не довелось. Все более увлекаясь изучением «Капитала», он встретил много затруднений, которые мог разрешить лишь при постоянном общении и с помощью самого автора. Карл Маркс жил тогда в Англии, и Лопатин решает переехать в эту страну. Поль Лафарг, зять Маркса, пишет ему рекомендательное письмо. Перед самым отъездом в Англию Лопатин решил побывать в Женеве, чтобы лично познакомиться там с русской революционной эмиграцией. В начале мая 1870 г. он выехал в Швейцарию.

В ЛАГЕРЕ ЭМИГРАНТОВ

К этому времени в Женеве группа русских революционеров во главе с Н. Утиным образовала Русскую секцию Интернационала. Она привлекала к себе особенное внимание Лопатина. Подрывная борьба, начатая Бакуниным против Маркса и Интернационала несколько раньше, теперь была в самом разгаре. Бакунин обрушивал свои удары и на Русскую секцию Интернационала. Во всех этих событиях Лопатин хотел разобраться при личных встречах с главными представителями борющихся сторон.

«Познакомившись с русской эмиграцией, там скопившейся,— писал Лавров о впечатлении, которое вынес Лопатин от встречи с ней,— он был поражен ее разрозненностью, мелкими сплетнями и личной грызней»¹.

Ни одна из женевских групп русских эмигрантов не вызвала к себе симпатий Лопатина. Встреча с Н. Утиным была холодной. Это объяснялось не только расхождением Лопатина с народнической программой «Народного дела» — органа Русской секции I Интернационала, но и личными чертами характера Утина,

¹ «Процесс 21-го», Женевы, 1888, стр. XX.

склонного даже в серьезной борьбе прибегать к интриге, пользоваться сплетнями. На это указывал и Энгельс в своем письме Марксу от 29 ноября 1873 г.: «...вся русская эмигрантская лавочка,— писал Энгельс,— ему (Лопатину.— В. А.) донельзя опротивела, и он ничего не хочет иметь с нею общего, тогда как Утин, наоборот, несмотря на свою вражду к этой банде (здесь имеются в виду бакунисты.— В. А.), и пожалуй именно поэтому, погрязает в этой склоке по уши и придает значение всякой ерунде»¹. Вместе с тем Лопатин, весьма шепетильный в вопросах чести, слишком поддался этому чувству и не сумел по достоинству оценить ту важную роль, которую играл Утин в борьбе с Бакуниным по принципиальным вопросам. Вскоре под влиянием Маркса Лопатин это поймет.

В личной беседе с Бакуниным Лопатин еще раз попытался объяснить Бакунину несостоятельность его надежд на быструю революцию и средств, с помощью которых он считал возможным ее осуществить.

Нужно заметить, что Лопатин, не разделяя теоретических убеждений Бакунина, в то же время признавал за ним большие заслуги, которые он имел в связи с участием в практической революционной борьбе в России и в разных странах Европы. Ненависть Бакунина к эксплуататорскому строю и страстный призыв к борьбе против него, личное участие во многих революционных событиях, аресты, ссылки, ожидание смертных приговоров и смелые побеги — все это окружало имя Бакунина ореолом славы и вызывало к нему горячие симпатии в широких кругах русской революционной молодежи. Лопатин, сам уже испытавший тюрьму и ссылку и только что совершивший свой первый побег, не мог не оценить того, что пережил Бакунин. Ему казалось, что Бакунин обманут Нечаевым, поэтому он считал своим долгом развенчать в глазах Бакунина «героя без фраз», как последний называл Нечаева. «В Женеве,— писал Маркс со слов Лопатина об этом деле Энгельсу,— Лопатин прежде всего потребовал

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 422.

объяснений лично у Нечаева (по поводу его вранья); тот оправдывался политической пользой такой сенсации для так называемого дела (речь идет о версии Нечаева о своем аресте и побеге из крепости.— В. А.). Тогда Лопатин рассказал все дело Бакунину, который всему поверил, как «*bon vieillard*» (простодушный человек). Б[акунин] потребовал от Лопатина повторить все это в присутствии Нечаева. Лопатин сейчас же пошел вместе с Бакуниным к Нечаеву, где та же сцена повторилась. Нечаев молчал. Пока Лопатин был в Женеве, Нечаев держался весьма скромно, точно набрал воды в рот. Но как только Лопатин уехал в Париж, комедия сейчас же снова возобновилась. Вскоре после того Лопатин получил оскорбительное письмо от Бакунина по поводу этой истории. Он ответил ему в еще более оскорбительном тоне. Результат: Бакунин написал покаянное письмо (у Лопатина *ЗДЕСЬ*), но изображает из себя «*un bon vieillard credula*» (легковерного добродушного старика)»¹.

По переписке Г. А. Лопатина с П. Л. Лавровым можно установить, что Лопатин, отправляясь в Женеву, намеревался выяснить возможности объединения всей русской революционной эмиграции.

Через некоторое время после Женевы Лопатин писал Лаврову из Лондона, что он сначала сам сделал попытку сплотить эмиграцию и соединить ее силы с силами революционеров России для общего натиска на царизм. Осуществить эту цель ему казалось возможным с помощью журнала, способного ясно выразить определенные (в сущности его личные) идеи. «Народное дело» — журнал группы Н. Утина — Лопатин не считал способным выполнить эту задачу.

С идеей объединения всех русских революционных сил выступили несколько раньше Лопатина Огарев и Нечаев. В передовой первого номера возрожденного ими с апреля 1870 г. «Колокола» они писали, что для осуществления общей для них цели ниспровержения царизма необходимо «составить мощную, крепко органи-

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 348.

зованную силу из всех оппозиционных элементов России, а не из одной кучки горячих голов, последователей крайних теорий, бесспорно отважных и самоотверженных... но тем не менее не заключающих в одних себе, изолированно, всего количества необходимых для победы сил»¹. Они поэтому призывали бросить «раздраженные споры о правоте или неправоте той или иной радикальной теории»².

Лопатина не могла удовлетворить столь беспринципная позиция нового «Колокола» и его руководителей. Для осуществления своей мысли, писал Лопатин Лаврову, «я ставил очень много предварительных и неизбежных, по моему мнению, условий: известный выбор сюжетов, известный способ практиковать их, обилие «русских» сотрудников, организация пропаганды и пр. и пр.»³.

Трудно, основываясь на этих словах, с полной определенностью говорить, какую программу для журнала предлагал русским революционерам в Женеве Лопатин. Известно лишь, что он не сумел добиться единства взглядов их ни на вопросы («сюжеты»), которые долж-
ны были освещаться в журнале, ни на идейную его на-
правленность и т. д. Весьма важно для обрисовки
идейного облица Лопатина заметить, что, сознавая весь
трагизм раздоров изгнанных царизмом или укрывавшихся
от него за границей революционеров, он не пошел на
компромисс ни с одной из женевских групп.

При первом же обмене мнениями о новом журнале Лопатин убедился в преждевременности своей идеи, которая некоторым из эмигрантов, напротив, показалась заманчивой. Бакунисты хотели воспользоваться ею для противопоставления (разумеется, в своем духе) нового органа «Народному делу» Н. Утина. Жуковский, например, с этой целью стал настойчиво атаковать Лопатина. «На настояния Ж[уковского], — писал позже Лопатин Лаврову, — я отвечал, что при нынешнем

¹ Цит. по кн.: Б. П. Козьмин, Русская секция Первого Интернационала, М., 1957, стр. 273.

² Там же.

³ ЦПА ИМЛ, ф. I, оп. 3, 256/2, е. х. 1.

положении вещей, основание подобного гевие я считаю едва ли возможным, а ведение его при помощи умственных ресурсов одной только эмиграции считаю совершенно невысказанным. Кто будет в нем работать? Кроме Вас, пожалуй, Жуковского (как репортер по делам International'a, компилятор и переводчик), да нескольких мелкотравчатых (в подобных же emplois), я не знаю, куда обратиться за сотрудниками! — Корифеи, вроде Бакунина, Огарева, Мечникова und К^о, не стоят как *корифеи* и ломаного гроша!»¹

ПЕРЕЕЗД К МАРКСУ В ЛОНДОН

После двухнедельного пребывания среди эмигрантов Лопатин возвратился в Париж и вскоре выехал в Англию для встречи и знакомства с Марксом. В конце июня 1870 г. он впервые ступил на берег Англии в приморском городке Брайтоне. Тяжела была жизнь русского революционера-эмигранта за границей. Лопатин давно уже познал лишения и теперь, оказавшись на чужбине, вынужден был подчинить себя железной дисциплине в расходовании средств. Порой кажется удивительным, с какой придирчивостью он судит себя за нерасчетливый расход при отсылке письма, выборе блюда на обед, если он случался. Часто голодал, порой обходился в буквальном смысле «одноножным кормом». Так, ожидая в субботу 18 июня пароход в Англию, он вышел прогуляться и подобно женщинам, встреченным на берегу, стал искать ракушки и есть, что избавило его от расхода на обед.

2 июля 1870 г. Лопатин, имея рекомендацию из Парижа от Поля Лафарга, зятя Маркса, впервые приехал в Лондон и в тот же день навещал Маркса.

О своей первой встрече с Лопатиным Маркс почти сразу же известил Энгельса. «Л[опатин], — писал Маркс Энгельсу 5 июля, — посетил меня в субботу, я пригласил его на воскресенье (он провел у нас с 10 часов утра до 12 вечера и вернулся в понедельник в Брайтон, где

¹ ЦПА ИМЛ, ф. I, оп. 3, е. х. 256/2, л. 1, 2.

живет)»¹. В продолжение двухдневных бесед Маркс интересовался решительно всем: от условий жизни Лопатина в Брайтоне до подробностей расправы царского правительства с Чернышевским и о его дальнейшей судьбе.

Высказывая свое первое впечатление о Лопатине, Маркс писал Энгельсу: «У него очень живой критический ум, веселый характер, стойческий, как у русского крестьянина, который довольствуется тем, что имеет», но тут же замечал: «Слабый пункт: Польша. О ней он говорит точь-в-точь, как англичанин — say an English chartist of the old school (например, английский чартист старой школы. — В. А.) — об Ирландии»².

Впоследствии В. И. Ленин обращал внимание на это замечание К. Маркса. В работе «О праве наций на самоопределение» В. И. Ленин писал в 1914 г.: «Маркс имел обыкновение «щупать зуб», как он выражался, своим знакомым социалистам, проверяя их сознательность и убежденность. Познакомившись с Лопатиным, Маркс пишет Энгельсу 5 июля 1870-го года в высшей степени лестный отзыв о молодом русском социалисте, но добавляет при этом: ...«Слабый пункт: Польша»...

Социалиста, принадлежащего к угнетающей нации. Маркс расспрашивает об его отношении к угнетенной нации и сразу вскрывает общий социалистам господствующих наций (английской и русской) недостаток: непонимание их социалистических обязанностей по отношению к нациям подавленным...»³

С первой встречи Лопатин на всю жизнь стал другом Маркса и его семьи. Маркс сразу стал заботиться об устройстве материального положения Лопатина. В том же письме он обратился с просьбой к Энгельсу: «Лопатин — естествоиспытатель. Он специально изучал естественные науки. Но он вел также коммерческие дела, и было бы счастьем, если бы удалось отыскать для него что-нибудь в этом роде»⁴.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 347.

² Там же, стр. 347—348.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 20, стр. 405—406.

⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 349.



Г. Лопатин во второй половине 60-х годов

Частые встречи с Лопатиным позволили Марксу составить о нем более определенное мнение. «Он, — писал Маркс Энгельсу 3 августа 1870 г., — единственный «солидный» русский, какого я до сих пор встречал, а национальные предрассудки я скоро из него выбью»¹.

Небезынтересны и впечатления Лопатина о первой встрече с Марксом. Он высказал их 6 июля в письме П. Л. Лаврову. «...Итак, — писал в нем Лопатин, — я отправился и сделал визит Марксу, в чем теперь несколько не раскаиваюсь, потому что это знакомство оказалось одним из приятнейших, сделанных мною. Во-первых, я опасался, что у меня не хватит сюжетов для разговора с этим светилом, а потом я втайне недоумевал, — на каком языке, кроме языка знаков, — могу я объясняться с ним? Все эти опасения оказались напрасными: в оба мои визита (из которых последний продолжался 10 часов сряду) разговор не прекращался ни на минуту.

Маркс говорит по-французски не бог знает как, т. е. произносит плохо и говорит довольно медленно, вследствие чего я его поппмаю отлично (я вообще ужасно люблю и умею разговаривать по-французски с немцами и англичанами). Что же касается до меня, то я считаю, что по отношению к лингвистике, я его побил на голову. Судите сами: он умеет говорить вдруг только на *одном* языке, я же говорил одновременно на *четыре*х языках, мешая с восхитительною развязностью слова романского, германского, славянского и саксонского происхождения в одну большую кучу: к грамматике я отнесся с полнейшим презрением и постарался свести ее на очень небольшое число самых простых и самых необходимых форм. Недостаток условных грамматических красот я старался заменить беглостью речи и различными выражениями лица и всего тела, соответствующими сюжету разговора. Впрочем, М[аркс] утверждает, что он понимает меня отлично, а его жена и дочери уверяют, что они никогда не воображали, чтобы можно было создать такой понятный и выразительный язык при помощи таких простых средств.

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 372.

Во-вторых, я всегда опасаясь у разных знаменитостей слишком сухого приема. Опять приятное разочарование! Я не могу сказать, что я встретил у М[аркса] *любезный* прием, потому что это означало бы сказать слишком мало: обращение его под конец было скорее *сердечное*, чем *любезное*. А жена его объявила мне, что она сочтет себя обиженной, если, приехав в Лондон, я вздумаю остановиться в отеле: что в их доме я всегда найду для себя отдельную комнату; «никто Вас не стеснит: Вы можете бродяжничать, если хотите, хоть целый день и возвращаться домой только ночевать. Потом: до тех пор, пока Вы не выучитесь по-английски настолько, чтобы вести экономно собственное хозяйство, Вы должны знать, что за нашим столом Вы всегда найдете накрытый, в ожидании Вас, лишний куверт...

Сегодня я получил от него новый № «Народного дела» и очень милую записку по поводу последних известий о суде над парижскими собратьями. В заключение он спрашивает: не желаю ли я, чтобы он приискал для меня место клерка в какой-нибудь лондонской конторе?»¹

Через 48 лет, в год своей смерти — в 1918 г., Лопатин, сохранив удивительную свежесть памяти, то же самое и почти в таких же выражениях рассказывал М. Неведомскому о своих первых объяснениях с Марксом!

Младшая дочь Маркса, Элеонора, со всей непосредственностью подростка и требовательностью строгого учителя принялась втолковывать Герману правила английского произношения; когда понятливый ученик делал успехи, она приходила в восторг и тут же предъявляла ему новые требования. Если Лопатин довольно скоро вполне сносно стал изъясняться на английском языке, то этим он не в малой мере обязан ее стараниям.

Сам Маркс, проявляя отеческую заботу о нем, старался обогатить его живой и восприимчивый ум неисчерпаемой сокровищницей своих познаний. «Иногда старый ученый брал юношу с собой на послеобеденную

¹ ЦПА ИМЛ, ф. I, оп. 3, с. х. 256/1, л. 1, 2.

прогулку. Ходили в отдаленные концы Лондона. Беседа не прерывалась ни на секунду. Самые разнообразные темы входили сюда: и мировая литература, которую Маркс не по-дилетантски, а серьезно изучал на всех «двунадесяти» языках, которыми владел в совершенстве; и история... Маркс *все знал* и из всего извлекал ценные выводы...»¹

Эти беседы расширяли кругозор Лопатина, открывали новое содержание уже известных фактов и заставляли переосмысливать их.

Излишняя и в этом случае непонятная скромность Лопатина, который, несмотря на многочисленные просьбы его современников, так и не принялся за составление воспоминаний, лишила нас ценнейших сведений о многих, так хорошо известных ему деталях жизни Маркса. Мы можем прибавить еще лишь несколько фраз из зафиксированной М. Неведомским беседы с Лопатиным о Марксе, в которых ярко и метко определены простые, человеческие черты великого мыслителя.

«Первая черта,— писал М. Неведомский,— отмечаемая Г. А. в Марксе,— это полное отсутствие той *профессорской* складки, которая сказывается у столь многих «знаменитостей» в обращении с молодежью и вообще «простыми смертными»... «Железные» сарказмы Маркса, отмечалось его биографами, направлялись лишь против «врагов». В беседе с «другом» были блестящие иронии, была добродушная усмешка, но ничего расхолаживающего, «железного» не чувствовалось. А главное — всегда сам Маркс весь отдавался своей мысли *по существу*, и беседа шла именно так — *по существу* предмета, и если собеседник им серьезно интересовался, то устанавливалось как бы равенство в отношениях, безотносительно к рангам и степени обладания предметом»².

Лопатин подчеркнул то могучее воздействие, которое оказывал Маркс на собеседника. «Живой, обширный, вечно деятельный ум Маркса,— по выражению

¹ Газета «День», 4 мая 1918 г.

² Там же.

Лопатина, — действовал на собеседника, как кремень на огниво; он вызывал к жизни в уме собеседника идеи, которые, быть может, остались бы иначе под спудом...»¹

Лопатину, как никому из русских, на протяжении целого десятилетия 70-х годов, которые он, за исключением почти трех лет тюрьмы — с 1871 по 1873 г., провел за границей сначала вместе с Марксом, а затем при частых наездах в Лондон и постоянной переписке, довелось испытать на себе могучее воздействие Маркса.

Современники в один голос отмечали обаяние и большую силу характера и ума Лопатина. Маркс, с чем свидетельствуют приведенные выдержки из его писем к Энгельсу, с первой встречи оценил эти его высокие достоинства и проникся к нему чувством большой любви. В начале апреля Маркс по предписанию врачей должен был выехать на берег моря и избрал местом отдыха Брайтон, потому что вместе с Лопатиным ему было бы приятно проводить свободное время. Но случилось так, что в это же время Лопатин прибыл в Лондон, так как чувствовал потребность быть вместе с автором «Капитала» для необходимых консультаций по переводу, к которому он приступил. 7 августа Лопатин писал Лаврову: «Прихожу к Марксу. Он спрашивает меня: «Надеюсь, Вы ненадолго сюда? Потому что мы собираемся к Вам в Брайтон: доктора велели мне ехать на несколько недель на море, и я предпочел Брайтон, так как я и моя семья рассчитывали там на Вас, как на веселого собеседника». Теперь он переменял план и едет не в Брайтон, где жизнь, по моим описаниям, показалась ему слишком дорогою, а в Ramsgate: во всяком случае я остаюсь очень горьким сиротой...»²

Это чувство одиночества Лопатин старался заглушить работой. «...Я засел за перевод, — писал он 26 августа Лаврову, — и переводил всю эту неделю с большим остервенением»³.

Вскоре возвратилась семья Маркса, и жизнь пошла своим чередом. Маркс и Лопатин работали бок о бок.

¹ Газета «День», 4 мая 1918 г.

² ЦПА ИМЛ, ф. I, оп. 3, е. х. 256/3, л. 3.

³ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283, л. 27.

Молодой русский революционер с помощью своего учителя все глубже и глубже постигал сущность учения, изложенного в переводимом им «Капитале», и нередко поражал самого Маркса пониманием его идей. Об этом имеется в литературе немало свидетельств. Прежде всего обратимся к словам П. Л. Лаврова: «...о немногих людях Карл Маркс говорил мне и с такою теплою симпатией к человеку, и с таким уважением к силе его ума, как о Г. А. Едва ли кто понимал так хорошо, по его словам, то, что он сделал и что он намерен был выполнить в последующих томах своего труда, как это понимал Лопатин. А знаменитый учитель социализма был в этом отношении очень требователен к людям, с которыми сближался»¹.

Любопытен один из эпизодов записи, сделанный в 1908 г. М. Неведомским со слов Лопатина, где рассказывается о разговоре Лопатина с Марксом по вопросу о земельной ренте, который, как известно, не получил исчерпывающего обоснования в I томе «Капитала»: «Относительно земельной ренты,— писал М. Неведомский,— Г. А. однажды высказал мысль, что эта тема должна быть развита, что в I-ом томе она далеко не исчерпана, и поставил Марксу целый ряд вопросов. Маркс, вставив стеклышко монокля в правый глаз,— пристально и усмехаясь посмотрел на юркого собеседника:

— А как, вы полагали бы, следует углубить этот вопрос?

Лопатин высказался:

— Ну, все это вы найдете во II-м томе...»²

О том, как работал Лопатин над переводом «Капитала», рассказал в 1908 г. на страницах журнала «Минувшие годы» Н. Даниельсон. «Принявшись за перевод «Капитала»,— писал он,— Г. А. Лопатин во многих случаях для выяснения себе облика цитируемого Марксом писателя отправлялся в библиотеку Британского музея и там по подлиннику знакомился с тем или другим из авторов, на которых ссылался Маркс. Ему

¹ «Процесс 21-го», Женева, 1888, стр. XIX—XX.

² Газета «День», 4 мая 1918 г.

случалось подмечать у этих авторов еще большую путаницу понятий против той, которую отмечал у них Маркс. В таких случаях Маркс принимал замечания Г. А. Лопатина к сведению и делал соответственные добавления. Примером может служить добавление, которое он сделал к 32-й выноске второго отдела (186—187 стр. 4-го немецкого издания) по поводу путаницы понятий Senior'a (русский перевод стр. 177). Это добавление впервые появилось именно в русском издании: оно было прислано в приложении к одному из писем Маркса. Иногда Г. А. Лопатин находил, что изложение автора может ввести читателя в заблуждение и делал в этом месте перевода соответственную выноску, о чем сообщал Марксу. Маркс с ним в этом соглашался, и в последующих изданиях оригинала в соответственном месте появлялась такая же выноска (4-е издание оригинала, стр. 179, русский перевод, 3-е издание, стр. 170; в первом издании перевода эта выноска отмечена как *примечание переводчика*).

Из этого видно, насколько добросовестно отнесся переводчик к своей работе и насколько внимателен к смыслу идей переводимого автора»¹.

Хотя Г. А. Лопатину не пришлось закончить перевод «Капитала», тем не менее он по праву должен считаться его переводчиком. После того как им была разработана методика перевода, введена русская терминология важнейших теоретических понятий капитала (прибавочная стоимость и др.), Н. Ф. Даниельсон, кому он поручил закончить свой труд, шел уже по проторенной дороге. К тому же Лопатин и сам успел сделать немало. В связи с этим Энгельс указывал: «В переводе «Капитала» главы 2—5 (включая машины и крупную промышленность) принадлежат ему, следовательно значительная часть»².

В 1883 г. В. Засулич просила Энгельса дать возможность начать как можно скорее перевод второго тома

¹ Н. Даниельсон, Заметка к переводу писем К. Маркса и Фр. Энгельса к Николай-ону. «Минувшие годы», январь 1908 г., стр. 39.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 423.

«Капитала», и Энгельс ответил ей, что «переводчик первого тома Г. Лопатин (а не Даниельсон.— В. А.) мог бы претендовать на право перевода второго тома»¹.

В нашу задачу не входит подробный анализ работы, проделанной Г. А. Лопатиным при переводе «Капитала». Сведения об этом читатель найдет в специальной экономической литературе². Отметим лишь, что все время пребывания в Лондоне — с августа по ноябрь 1870 г. Лопатин главным образом был занят переводом «Капитала».

Вместе с тем он пристально следил за деятельностью русской эмиграции и событиями, происходящими в России, посильно участвовал в политической жизни Европы.

С помощью Маркса Лопатин сумел разобраться в той роли, какую играл тогда Бакунин на международной арене. В борьбе Бакунина с Марксом Лопатин стоял на стороне Маркса и постоянно информировал его о пропсках Бакунина против Интернационала и основоположника научного социализма. «От него (Лопатина.— В. А.) я узнал также,— писал Маркс Энгельсу 3 августа 1870 г.,— что Бакунин распространяет слух, будто я — агент Бисмарка. Mirabile dictu! (какая нелепость!)». Маркс видел в Лопатине серьезную опору в борьбе с Бакуниным и считал его весьма полезным и для связи Интернационала с Россией. Руководствуясь этими соображениями, он после описанных событий с согласия своих соратников решил ввести Лопатина в состав Генерального Совета Интернационала.

6 сентября 1870 г. Огюст Серрайн, только что получивший поручение быть уполномоченным Генерального Совета при парижских секциях, внес предложение ввести Г. А. Лопатина в состав членов Генерального Совета.

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 303.

² См. упомянутые выше работы Н. К. Каратаева и А. Л. Реуэля; «История русской экономической мысли», т. II, ч. II, М., 1961, и др.

На следующем заседании, 20 сентября 1870 г., Лопатин одновременно с Энгельсом был единогласно избран членом Генерального Совета Интернационала. Выступая с поддержкой К. Маркса, Г. Лопатин принимал таким образом участие в борьбе против оппозиционных сил в Интернационале.

В день избрания в Генеральный Совет Лопатин получил первое партийное задание. Вместе с Каном, Эккартусом, Лесснером и Милнером он вошел в состав комиссии, которой поручалось организовать демонстрацию английских рабочих и с их помощью заставить английское правительство признать недавно провозглашенную республику во Франции.

Французская реакция, желая предотвратить развитие революционных событий в стране и отвлечь внимание народа от внутренних проблем, поддержала воинственные намерения Наполеона III. 19 июля 1870 г. Наполеон III объявил войну Пруссии, но уже 2 сентября под Седаном сотысячная армия французов вместе с Наполеоном была взята немцами в плен.

4 сентября 1870 г. во Франции была провозглашена республика, буржуазия под видом создания правительства «национальной обороны» захватила власть. В то же время Пруссия, несмотря на то что французская армия уже не могла ей больше угрожать, вторглась в пределы Франции. Война из оборонительной превратилась в захватническую.

Маркс, учитывая создавшуюся обстановку, выступил 9 сентября от имени Интернационала с воззванием к пролетариату всего мира, в котором разоблачал захватнические планы Пруссии и указывал на обязанность немецких рабочих заставить свое правительство прекратить войну и заключить мир с Францией без аннексий и контрибуций.

В то же время Маркс предупреждал французский пролетариат от преждевременного выступления против своего буржуазного правительства. Он называл это правительство антинародным, но в сложившейся ситуации важнее пока было сохранить саму идею респуб-

лики, защитить страну от агрессии, а затем уж обратиться силы на борьбу с буржуазией.

Решение Генерального Совета о создании комиссии для побуждения английского правительства к признанию и поддержке французской республики в этих условиях имело большое значение. Английское правительство, однако, не помешало развитию франко-прусского конфликта.

Германа Лопатина глубоко волновали события, разыгравшиеся в Европе. 14 сентября 1870 г. он писал Лаврову: «Хотя республика явилась на этот раз во Франции довольно жалким образом... как будто только потому, что пруссаки позаботились отнять у французов Наполеона и спрятать его от них подальше... хотя безмозглое и бесстыдное поведение всей французской прессы за последнее время сильно пошатнуло мои, более сердечные, чем разумные, симпатии к этой стране, тем не менее в тот день, когда была получена телеграмма о провозглашении республики, я чуть-чуть не уехал в Париж». Далее Лопатин выражает уверенность, «что, если Парижу удастся продержаться недели две-три, иностранные державы вступятся в это дело и положат конец безобразной бойне»¹. Вскоре, однако, ему пришлось убедиться в бесплодности этих надежд. Английское правительство продолжало попустительствовать агрессору, и Франция была разбита.

Обнаружилось, что не все секции Интернационала проявили единодушие в борьбе за предотвращение прусской агрессии. Так, Бельгийский Национальный Совет Интернационала не подхватил воззвания Маркса от 9 сентября. Когда 18 октября Генсовет обсуждал этот вопрос, Лопатин горячо поддержал предложение Маркса о вынесении порицания Национальному Совету Интернационала Бельгии за замалчивание официальных документов Генсовета.

В дальнейшем Лопатин продолжал серьезно отдаваться работе в Генеральном Совете. 25 октября, как записано в протоколе заседания Генерального Совета,

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283, л. 35.

он поддержал предложение Эккарнуса избрать Джона Хейлза казначеем Международного товарищества рабочих, 8 ноября председательствовал на заседании Генсовета, а 22 ноября выступал с докладом по ряду важных вопросов.

Как секретарь-корреспондент Генерального Совета по русским делам, Лопатин особенно пристально следил в это время за событиями в России. Он сообщал, что в русских газетах опубликован материал, изобличавший стремление бывшего правительства Оливье расправиться с руководителями и членами Интернационала во Франции и тем самым предотвратить нарастающую в стране революцию. Весьма важными были сведения, сообщенные Лопатиным Генеральному Совету о событиях в России. Лопатин доложил об усилении строительства стратегических железных дорог на юге страны, увеличении численности царской армии. Если учесть, какое большое значение всегда придавали Маркс и Энгельс мобилизации сил трудящихся всего мира на борьбу с русским царизмом, с конца XVIII в. игравшим роль жандарма европейских революций, сообщаемые Лопатиным сведения о новых военных приготовлениях царизма имели особо важное значение, так как в Европе зрела новая революция.

На этом деятельность Лопатина в Генеральном Совете прекратилась.

6 ПОПЫТКА СПАСЕНИЯ Н. Г. ЧЕРНЫШЕВСКОГО

Находясь в Генеральном Совете Интернационала, куда со всего света стекались вести о положении и борьбе трудящихся масс, Лопатин ясно видел, что Европа бурлит и новая революция готова потрясти капиталистический мир. Тем временем родина томилась в страшных тисках самодержавия. Лучшие люди страны сидели в тюрьмах или находились на каторге, где сам труд был превращен в орудие смерти. Где-то в бескрайней сибирской тайге, в кандалах каждый день брел на каторгу Чернышевский.

Лопатин вполне отчетливо представлял себе, что Россия не должна остаться в стороне от надвигавшихся на Европу революционных событий. Нельзя было допустить, чтобы при таких обстоятельствах вождь русских революционеров томился на каторге и был оторван от жизни и борьбы.

Мысль освободить Чернышевского, возникшая, по словам П. Л. Лаврова, еще в Женеве, окончательно созрела у Лопатина под впечатлением бесед с К. Марксом, который раскрыл Лопатину глаза на значение Чернышевского не только для русского, но и международного революционного движения. Об этом прежде всего свидетельствует письмо Лопатина к генерал-губернатору Восточной Сибири Синельникову от 15 февраля 1873 г.

«Во время пребывания моего в Лондоне я сошелся там с неким Карлом Марксом, одним из замечательнейших писателей по части политической экономии и одним из наиболее разносторонне образованных людей в целой Европе,— писал о нем Лопатин.— Лет пять тому назад этот человек вздумал выучиться русскому языку, а выучившись русскому языку, он случайно натолкнулся на примечания Чернышевского к известному трактату Милля и на некоторые другие статьи того же автора. Прочитав эти статьи, Маркс почувствовал глубокое уважение к Чернышевскому. Он не раз говорил мне, что из всех современных экономистов Чернышевский представляет единственного действительно оригинального мыслителя, между тем как остальные суть только простые компиляторы, что его сочинения полны оригинальности, силы и глубины мысли и что они представляют единственные из современных произведений по этой науке, действительно заслуживающие прочтения и изучения; что русские должны стыдиться того, что ни один из них не позаботился до сих пор познакомить Европу с таким замечательным мыслителем; что политическая смерть Чернышевского есть потеря для ученого мира не только России, но и целой Европы и т. д. и т. д. Хотя я и прежде относился с большим

уважением к трудам Чернышевского но политической экономии, но моя эрудиция по этому предмету была недостаточно обширна, чтобы отличить в его творениях мысли, принадлежащие лично ему, от идей, позанимствованных им у других авторов. Понятно, что такой отзыв со стороны столь компетентного судьи мог только увеличить мое уважение к этому писателю. Когда же я сопоставил этот отзыв о Чернышевском, как писателе, с теми отзывами о высоком благородстве и самоотверженности его личного характера, которые мне случалось слышать прежде от людей, близко знавших этого человека и никогда не могших говорить о нем без глубокого душевного волнения, то у меня явилось жгучее желание попытаться воздать миру этого великого публициста и гражданина, которым, по словам того же Маркса, должна бы гордиться Россия. Мне казалась нестерпимой мысль, что один из лучших граждан России, один из замечательнейших мыслителей своего времени, человек, по справедливости принадлежащий к Пантеону русской славы, влачит бесплодное, жалкое и мучительное существование, похороненный в какой-то сибирской трущобе. Клянусь, что тогда, как и теперь, я бы охотно и не медля ни минуты поменялся с ним местами, если бы только это было возможно и если бы я мог воздать эту жертвою делу отечественного прогресса одного из его влиятельнейших деятелей...»¹

В конце ноября 1870 г. Лопатин, захватив с собой материалы перевода «Капитала», выехал в Россию (предварительно побывав в Женеве и Париже).

15 декабря 1870 г., когда были завершены сборы в далекий путь, Лопатин послал из Петербурга следующее письмо Марксу: «По почтовому штемпелю на этом письме Вы увидите, что, несмотря на Ваши дружеские предупреждения, я нахожусь в России. Но, если бы Вы знали, что побудило меня к этой поездке, Вы, я уверен, нашли бы мои доводы достаточно основательными...

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 71—72.

Стоящая передо мной задача вынуждает меня покинуть в ближайшие дни Петербург и отправиться вглубь страны, где я задержусь, по всей вероятности, три-четыре месяца, так что я не могу воспользоваться любезным приглашением г-жи Маркс на ваш рождественский обед; боюсь также, как бы мой строгий маленький учитель (Элеонора Маркс.— В. А.) не нашел, что мои познания в английском языке несколько улетучились за то время, что я потратил на собственные приключения...»¹

К слову сказать, Лопатин не забыл стараний своей учительницы. Как писал в январе 1873 г. Даниельсон Марксу, Лопатин просил его «во время своего пребывания здесь и позже в письмах *оттуда* переслать Вашей дочери несколько опер, чтобы тем хоть как-нибудь отблагодарить ее за ту помощь, которую она ему оказала, преподавая ему английский язык»². Это были оперы Глинки «Иван Сусанин» и «Руслан и Людмила».

Далее Лопатин в своем письме передает ряд интересных сведений для Маркса.

«Посылаю Вам,— продолжал Лопатин,— несколько страниц «Philosophie Positive» с замечаниями о «Капитале». Мне сказали здесь, что «Этюды» де Роберти, о которых мы говорили, были посланы мне в Лондон несколько дней тому назад вместе со статьями Чернышевского по крестьянскому вопросу. Если Вы зайдете сами или поручите кому-либо передать моей квартирной хозяйке прилагаемую записку, то она выдаст Вам эти книги»³. Лопатин говорит, что статья Н. Якоби и В. А. Зайцева «О положении рабочих в Западной Европе с общественно-гигиенической точки зрения», материал которой был «почерпнут из Вашей книги... окончательно запрещена и предана сожжению».

Второй том произведений Лассалья в русском переводе тоже конфискован правительством... На обложке этой книги было напечатано сообщение о выходе

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 187—188.

² Там же, стр. 91.

³ Там же, стр. 188.

в ближайшие месяцы «Капитала», но даже и это невинное объявление, как мне передавали, не ускользнуло от бдительного ока правительственных чиновников. Главный цензор запросил издателя, не является ли «Капитал» произведением того самого Маркса, который играет такую видную роль в Интернационале, и если это так, то как он допустил подобное объявление? Несмотря на это, мой издатель надеется, что дело с «Капиталом» еще может уладиться к нашему общему удовольствию, и мой труд не пропадет даром»¹.

Вся организация перевода и печатания «Капитала» на русском языке была поставлена хорошо. Лопатин, о чем можно судить по содержанию его письма Лаврову от 30 августа 1870 г., намеревался завершить перевод «Капитала» в четыре-пять месяцев², а в это время издатель Поляков извещал читателя о скором появлении «Капитала» на русском языке.

Цитированное письмо Марксу Лопатин заканчивает важным для себя выводом: «Вообще у нас здесь ежедневно производятся новые аресты и, по правде говоря, общее положение настолько приятное, что я начинаю вполне искренне разделять Ваше мнение и мнение Генерального штаба (Энгельса.— В. А.) о необходимости войны с русским правительством; пора положить конец такому наглому поведению и ударом извне ослабить эту страшную власть»³.

Маркс, читая эти строки, мог испытывать лишь чувство глубокого удовлетворения.

Уезжая в Сибирь, Лопатин оставил «Капитал» и материалы перевода Н. Ф. Даниельсону. Было условлено, что в случае его ареста работу над переводом «Капитала» завершит Даниельсон. Об этом свидетельствует письмо Даниельсона Марксу от 11 (23) мая 1871 г., когда Лопатин уже сидел в иркутской тюрьме. «Переводчик Вашего труда «Капитал»,— писал в нем

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 188—189.

² ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 3, в. х. 256/5, л. 1.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 189.

Даниельсон,— после своего отъезда из Лондона осенью прошлого года, не имел времени продолжать свою работу, так как находился постоянно в разъездах. В своих первых письмах он писал, что после своего возвращения сам закончит перевод, но когда это возвращение оказалось отсроченным на неопределенное время, он попросил меня взять на себя окончание перевода»¹.

Далее Даниельсон просил выслать ему специально перерабатываемую Марксом для русского издания первую главу «Капитала», сообщил о большом спросе в России на «Капитал», «К критике политической экономии» и извещал об аресте Лопатина. ««Наш друг»,— писал Даниельсон о Лопатине,— находится сейчас в очень тяжелом положении, худшем, чем когда он уезжал отсюда. Впрочем, надежда его не покидает. Подробности после»².

Лопатин был арестован в Иркутске в начале февраля 1871 г., по доносу царского агента из Итенева. 3 июня он совершил свой первый побег, но тут же был схвачен и оказался в одиночной камере. Очевидно, Маркс или не получил письмо Даниельсона от 11 (23) мая, или не понял его слишком неопределенных намеков на арест Лопатина, так как 13 июня, когда до него дошли первые и неясные сведения о Лопатине, с тревогой сам писал Даниельсону: ««Наш друг» *должен вернуться в Лондон* из своей торговой поездки. Корреспонденты той фирмы, от которой он разъезжает, писали мне из Швейцарии и других мест. Все дело *рухнет*, если он отложит свое возвращение, и сам он навсегда потеряет возможность оказывать дальнейшие услуги своей фирме. Соперники фирмы уведомлены о нем, ищут его повсюду и заманят его в ловушку своими происками»³.

Поступившие к Марксу сведения рассеяли надежды. 22 июля 1871 г. он писал Даниельсону, уже зная об аресте Лопатина: «Здесь получены самые тревожные

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 71.

² Там же, стр. 72.

³ Там же, стр. 73.

известия о нашем «общем друге», но я надеюсь, что они ложны или, по крайней мере, преувеличены»¹.

Даниельсон не мог порадовать Маркса добрыми вестями о Лопатине. 30 августа (11 сентября) он писал Марксу: ««Наш общий друг» сидит в крепости, в очень строгом одиночном заключении. Что с ним будет — неизвестно. О каком-либо судебном следствии против него ничего не слышно. Похоже на то, что правительство собирается держать его неопределенное время без суда в одиночном заключении»².

В это время Маркс был особенно перегружен работой и ответ Даниельсону на его последнее письмо писала Элеонора Маркс. «Нас несомненно очень тревожит судьба нашего общего друга, — писала Элеонора. — Мы очень боимся за него. Ах! Если бы он не покидал Англии! Уже несколько месяцев тому назад, когда мы о нем слышали в последний раз, и последние сообщения о нем были не успокоительны».

Между тем Даниельсон упорно работал над переводом и уже 15 (17) марта 1872 г. сообщил Марксу: «Печатание русского перевода «Капитала», наконец, закончено, и я могу переслать Вам экземпляр книги... Я не думал, что извещать Вас об окончании печатания придется мне, я надеялся, что это сделает «наш общий друг» (Лопатин. — В. А.)»³.

Тут же Даниельсон сообщал, что Лопатин, судившийся в Иркутске лишь за проживание по чужому паспорту, отделался ста рублями штрафа и вышел на свободу, но с обязательством не покидать город. «Если Вы хотите что-нибудь сообщить ему, то я готов играть роль посредника и пересылать Ваши письма по адресу «нашего общего друга»»⁴.

Письмо Даниельсона принесло Марксу двойную радость. «Прежде всего, — отвечал он Даниельсону 28 мая 1872 г., — большое спасибо за прекрасно пере-

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями. М., 1951, стр. 74.

² Там же, стр. 76.

³ Там же, стр. 77—78.

⁴ Там же, стр. 78.

плетенный экземпляр («Капитала». — В. А.). Перевод сделан *мастерски*. Мне очень бы хотелось получить еще один непереплетенный экземпляр для Британского музея...

Известия, которые Вы сообщили о нашем *общем друге*, очень обрадовали меня и мою семью. Немногих людей я так люблю и так уважаю, как его»¹.

Скоро Марксу снова пришлось тревожиться за судьбу своего друга. 7 августа Лопатин совершил новый побег. Он проплыл один по бурной Ангаре на лодке, затем добирался по тайге до Томска и там был снова арестован. Теперь, зная хватку царских слуг, Маркс имел серьезное основание опасаться строгой расправы властей и не хотел бездейтельно ожидать развязки. 12 декабря 1872 г. он писал Даниельсону: «Судьба нашего милого «общего друга» глубоко волнует всю мою семью. У меня есть план помочь ему — путем дипломатического вмешательства — из Константинополя. Может быть это и удастся»².

Марксу, очевидно, не удалось организовать дипломатического давления из Константинополя на русское правительство. Впрочем, Лопатин и сам великолепно разрешил свою проблему. 10 июня 1873 г. он совершил третий, и самый дерзкий побег из Иркутска.

Перейдя в конце лета границу, Лопатин тут же известил Маркса. «Узнав о благополучном возвращении своего друга, — писал И. И. Попов, — К. Маркс бросил свою работу и побежал к своей дочери Элеоноре, взял ее руки и начал вертеться с нею. Так рассказывал П. Л. Лавров со слов самой Элеоноры Эвелинг»³.

Н. К. Скворцова-Михайловская в своих воспоминаниях писала, что Маркс желал женить Лопатина на своей младшей дочери⁴. К сожалению, Лопатин,

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 79, 80.

² Там же, стр. 87.

³ И. И. Попов, Герман Александрович Лопатин, М., 1930, стр. 31.

⁴ Государственная публичная библиотека имени М. Е. Салтыкова-Щедрина. Отдел рукописей. Фонд Н. К. Скворцовой-Михайловской, 1938, 464/2, л. 14.

проведший до своего возвращения за границу несколько недель в Петербурге встретил там З. С. Корали, на которой вскоре женился. Брак этот не принес супругам счастья. Они оказались слишком разными людьми и потом вынуждены были расстаться навсегда.

Подводя итог первому периоду (1870 г.) прохождения Г. А. Лопатиным школы К. Маркса, необходимо сказать, что молодой русский революционер, глубоко изучив «Капитал» и экономическую литературу, с которой был раньше слабо знаком, под влиянием Маркса понял великое историческое значение его революционного учения. Однако в это время он, не видя в России пролетариата, в какой-то мере разделяя субъективистское представление идеологов народничества конца 60-х — начала 70-х годов об особой роли личности в революционной борьбе. Только этим и можно объяснить предпринятую им попытку освободить Н. Г. Чернышевского, который, по его мнению, одним своим авторитетом мог бы сплотить русские революционные силы.

ГЛАВА III

ВСЕГДА С РОДИНОЙ

Г. А. ЛОПАТИН И ИДЕОЛОГИ РЕВОЛЮЦИОННОГО НАРОДНИЧЕСТВА

Новая эмиграция Лопатина была довольно продолжительной — с 1873 по 1879 г. Правда, сам он никогда не считал себя эмигрантом. Душа и помыслы его всегда были в России. Он встречался с прибывающими за границу революционерами, не прекращал переписки с Россией, систематически посылал налаженными лично им путями революционную литературу в Россию, пристально следил за каждым шагом ее жизни и сам ежегодно совершал туда все более продолжительные поездки, конечно, нелегально, но практического участия в революционной борьбе ни в России, ни за границей в эти годы не принимал. Сначала — вплоть до лета 1875 г. — он был занят подготовкой новой попытки освободить Н. Г. Чернышевского, но неудача И. Мышкина, действовавшего без его согласия по его плану, который Лопатин считал «последней еще возможной попыткой», заставила его смириться со случившимся. Детали этой истории изложены Лопатиным в его письме В. Г. Короленко 18 января 1908 г.¹

Затем у него родился сын (Бруно), заболела жена и материальные заботы сковали его. Он много и напряженно работал, добывая переводами средства к существованию. Ему кроме «Капитала» принадлежат

¹ Государственная библиотека СССР имени В. И. Ленина. Отдел рукописей, ф. 135, Короленко В. Г., п. 34, е. х. 2145.

переводы на русский язык многих крупных научных трудов европейских ученых по естествознанию¹.

Лично или по переписке знакомый почти со всеми выдающимися людьми Западной Европы и России, Лопатин особенно близок был лишь с тремя из них — Марксом, Энгельсом и Лавровым. Приезжая в Лондон, он был своим человеком в семье Маркса и у Энгельса и попеременно останавливался на квартире то одного, то другого. Даже письма свои Лопатин получал на адрес Маркса. Из скудных, весьма отрывочных сведений, содержавшихся в письмах Лопатина к Лаврову, которые в то же время являются почти единственным источником сведений о его жизни за границей в тот период, можно заключить, что Лопатин продолжал информировать Маркса и Энгельса о русских делах и главным образом через него или при его содействии Маркс получал русскую экономическую литературу и периодические издания русских революционеров.

В момент возвращения Лопатина летом 1873 г. за границу Лавров готовил к выпуску журнал «Вперед» и, естественно, нуждаясь в помощниках, старался привлечь его в редакцию, но Лопатин отклонил это предложение. «Несмотря на тесную личную дружбу с Лавровым,— писал об этом случае Лопатин,— отказался от сотрудничества в принципиальной части журнала по теоретическим разногласиям...»²

В дальнейшем Лопатин в личной переписке не раз выступал против намерения Лаврова примирить Бакунина с Марксом. Еще перед переездом из Брайтона в Лондон к Марксу Лопатин, получив соответствующее письмо от Лаврова, отвечал ему 20 июля 1870 г.: «Мне лень развивать подробно начало и истинные причины неудовольствий между Марксом и Бакуниным. Я совершенно согласен с Вами, что в разных местах следует идти разными путями для достижения одной и той же цели. Согласен так же, что подобные личные дразги очень вредят всякой партии (Бакунин тогда

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 29, л. 3—4.

² «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 12.

был членом I Интернационала.— В. А.), всякому делу. Но за роль примирителя не возьмусь ни за что, так как я убежден в полной бесполезности всякой попытки примирения там, где дело коренится гораздо глубже, чем в различии взглядов и теоретических убеждений. Я, впрочем, уже пробовал играть эту роль примирителя в Женеве и знаю все ее сладости»¹.

Это первый документ из архива Г. А. Лопатина, который позволяет уточнить степень понимания им марксизма.

В приведенном письме указывается на различие «взглядов и теоретических убеждений» Маркса и Бакунина, однако молодой русский революционер, в это время (июль 1870 г.) постигавший учение Маркса, в полной мере еще не сумел или не имел возможности разглядеть всей глубины пропасти, разделявшей революционное учение Маркса и анархизм Бакунина. Как известно, Бакунин еще не сформулировал в этот момент достаточно четко своего учения, чтоб современник мог в нем ясно разобраться. А страстность его проповеди разрушения эксплуататорского строя подкупала и не таких неискушенных в политической борьбе людей, как Лопатин, тогда только что вступивший в «школу» Маркса. Позже, когда вышла в свет «Государственность и анархия», когда в полной мере Бакунин раскрыл себя своей дьявольской попыткой разрушить Международное товарищество рабочих, Лопатин недвусмысленно выразил свое отношение к главному труду Бакунина. ««Госуд. и анархия», — писал он Лаврову, — не присылайте; прочесть ее я могу достать и здесь, но если можно, то приобретите для меня *оба* тома в собственность, для коллекции, особенно *если* это можно сделать *даром*, потому что платить за эти вещи, да еще нашему брату — бродяге, это ей богу слишком»².

В дальнейшей переписке Лопатина с Лавровым отчетливее выясняется отношение одного и другого к Бакунину и его бунтарским идеалам. Лавров, как это

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 3, е. х. 256/2, л. 5—6.

² ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 238 об.— 239.

можно заключить по ответу Лопатина на его письмо, обращаясь в июле 1870 г. к своему молодому другу с просьбой примирить Маркса с Бакуниным, старался показать, что им не из-за чего враждовать, так как различие их теорий отвечает различию условий революции на Западе и в России. Ответив тогда (20 июля 1870 г.): «Я совершенно согласен с Вами, что в разных местах следует идти разными путями для достижения одной и той же цели», Лопатин в письме от 8 августа 1870 г. пояснял Лаврову эту свою мысль: «...я писал Вам, что я совершенно согласен с Вами в том, что в разные времена и в разных местах следует действовать совершенно различно для достижения одной и той же цели. Но что, по моему мнению, Вы трактуете *aspirativus* Б(акуни)на с излишнею терпимостью и благосклонностью, так как выраженные им идеи и планы имеют в виду известное место (Россию), и известное время (настоящее), а потому для обсуждения их целесообразности и практичности следует стать именно на эту точку зрения, и рассматривать их не просто «в пространстве и во времени», но в *определенном, данном* пространстве и *данном* времени, т. е. с точки зрения их соответственности с поставленной ими себе целью»¹.

В этом письме Лопатин, соглашаясь в принципе, ~~«что в разные времена и в разных местах следует действовать совершенно различно для достижения одной и той же цели», т. е. с учетом исторических условий и национальных особенностей, в то же время в отличие от Лаврова считал идеи Бакунина несоответствующими задачам русской революции и упрекал своего друга в излишней терпимости и благосклонности к ним.~~

Лопатин неоднократно подмечал лавровское лавирование между «Сциллою централизации и Харибдой федерации». Прочитав одну из передовиц «Вперед!», Лопатин писал Лаврову: «По-моему, она потеряла в силе, в осязательной конкретности и в практической приложимости. Удачная лавировка между Сциллою и Харибдой наклонилась в сторону Katzenjammer'овского

¹ ЦПА ИМЛ, ф. 1, оп. 3, е. х. 256/4, л. 4.

двоедушного лукавства, трусливо скрывающего свою истинную мысль. Написанное одною рукой сейчас же торопливо заштриховывается другою. Всякий (кроме анархистов) может вычитать, что хочет. Молодежь не найдет в ней кратких практических нравственных формул по главным категориям житейских случаев... Надеюсь, что Вы не рассердитесь на меня за откровенную резкость и неотделенную краткость моих замечаний?»¹

В 1874 г. во «Вперед!» Лавров занял примиренческую позицию к бакунизму в связи с критикой его Марксом и Энгельсом в брошюре «Альянс социалистической демократии и Международное товарищество рабочих». Энгельс на страницах газеты «Volksstaat» выступил с резкой критикой лавровского эклектизма и примиренчества. Лопатин, прочитав эти статьи («Эмигрантская литература») Энгельса, 15 октября 1874 г. писал ему: «Прочел статьи с большим интересом и должен признать правильность Вашей аргументации. Но по форме они слишком язвительны. Право, Вы очень злы. Я не мог удержаться от смеха, хотя люди, с которыми Вы так беспощадно расправились, мои друзья»².

Лопатин не разделял заблуждений Лаврова и в оценке роли интеллигенции в Интернационале. Лавров, автор теории о решающей роли в истории «критически мыслящих личностей», вдруг выступил против того, чтобы «форма организации Интернационала не была навязана теоретическим путем рабочему классу несколькими единицами из среды интеллигенции». Лопатин, отражая этот выпад, явно сделанный против руководителей Интернационала, писал Лаврову, что «всякая идея, между прочим, и план организации какой бы там ни было, вырабатывается всегда сначала в голове единиц; почему же наиболее интеллигентные единицы имеют наименьшее право взять почин в этом деле? А навязать свои идеи они не имеют силы, а потому

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 198—198 об.

² Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 207.

зачем же сражаться с фантомами?»¹ Лопатин выражает несогласие с Лавровым и по вопросу взаимоотношений интеллигенции с рабочим классом в Интернационале. «Мне лично не нравится,— продолжал свои мысли Лопатин,— то место, где, говоря об участии интеллигенции в Интернационале, Вы пишете, что она вносит с собой «известные привычки», и советуете ей по отношению к своим поступкам «крайнюю осмотрительность». Все это справедливо, но все это еррастi крайне *общие*. *Какие* это привычки? *Какие* меры осмотрительности, спросят Вас? *Какое* именно участие должна принять интеллигенция в Интернационале? Вы говорите: «вопрос этот разрешится самой жизнью». Это опять фразеа... Жизнь есть просто живущие люди. Решения, даваемые жизнью, есть решения, даваемые большинством отдельных индивидуумов и групп. А потому всякий вправе спросить: каково то решение, которое предлагает по этому поводу редакция «Вперед!»? А то Энгельс и др. опять скажут, что редакция пытается сесть на два стула вдруг, или, что еще хуже, что она стоит в нерешимости, не зная, какой стул ей вы-брать...»²

Лопатин не всегда расходился с Лавровым лишь в оценке внешнеполитических шагов царизма. Вообще их «патриотизм» нередко подвергался критике со стороны Маркса и Энгельса. В 1870 г. Лопатин разоблачал в Генеральном Совете Интернационала приготовление царской России к войне, а в середине 70-х годов в связи с обострением освободительного движения славянских народов на Балканах вместе с Лавровым считал необходимым участие в нем русской армии. Маркс и Энгельс, как известно, указывали, что свободу славянам Балканского полуострова должны принести не царские солдаты на своих штыках, а освободительное, революционное движение самих славянских народов. Вскоре Лопатин это понял, и когда началась русско-турецкая война в 1877 г., Энгельс писал 18 июня

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 268.

² Там же, л. 268 об.— 269.

Марксу, что Лавров и Лопатин осознали, что «поражения русских в европейской Турции ведут прямо к революции в России»¹.

Отказавшись войти в редакцию, Лопатин время от времени выступал на страницах журнала, а затем и газеты «Вперед!» со своими очерками и корреспонденциями. Первым во «Вперед!» был опубликован талантливый очерк о сибирской секте, которую Лопатин называл «Не наши». С руководителями ее Лопатин познакомился в Иркутской тюрьме. Отрицание «не нашими» бога, собственности, непризнание над собой чьей-либо власти, отстаивание абсолютной свободы личности и поступков — все это приводило в бешенство иркутских следователей и служило поводом для многих курьезных случаев при допросах. О жизни, взглядах и преследовании сектантов Лопатин и писал в очерке. Он заинтересовал Маркса. 11 февраля 1875 г. Маркс писал Лаврову: ««Не наши» — славный народ. Я подозреваю, что наш друг Лопатин имеет некоторое отношение к этой статье»².

В других очерках Лопатин подымал перед общественностью вопрос о положении ссыльных революционеров: Н. Г. Чернышевском, умерших в 1876 г. ссыльных А. П. Шапове, революционере-фольклористе И. А. Худякове и других. Лопатинские очерки перед всем миром обнажали ужасные условия жизни ссыльных, обреченных на гибель. Большой интерес представляет очерк Г. А. Лопатина «Из Иркутска», помещенный в ряде номеров (7, 8, 10, 11 и 14) газеты «Вперед!» с апреля по август 1875 г. О содержании его речь пойдет ниже.

В годы заграничной жизни Лопатина в теории русских революционеров-пародников появилась третья из основных ее разновидностей — учение Ткачева, названное Плехановым «русским бланкизмом». По поводу приезда Ткачева за границу в 1873 г. Лопатин писал Лаврову: «Я рад прибытию Ткачева; все же лишняя литературная сила для «Вперед!»³

¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXIV, стр. 477.

² К. Маркс и Ф. Энгельс, Соч., т. XXVI, стр. 382.

³ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 328.

Различие их теоретических взглядов обнаружилось в полемике Ткачева с Лавровым и Бакуниным, особенно когда в 1874 г. Ткачев выступил с открытым письмом против Энгельса. В апреле 1875 г. в ответ Ткачеву Энгельс написал статью «Об общественных отношениях в России»¹. Ознакомившись с ней в газете «Volksstaat», Лопатин писал Лаврову: «Теоретическая часть ответа Энгельса Ткачеву вышла отдельным оттиском... Мне она нравится. Я бы даже перевел ее, но думаю, что ни «Вп.!', ни другие русские революц. типографии не напечатают ее, и я только возбужу против себя общие вопли»².

Примечательно, что именно в апреле 1875 г., когда была написана указанная статья Энгельса против Ткачева, Лопатин начинает печатать свой очерк «Из Иркутска» о золотопромышленниках. Этот очерк Лопатина, не адресованный прямо Ткачеву, тем не менее по своему содержанию представляет собой критику его главного довода о том, что русское государство «не воплощает в себе интересов никакого сословия». Показав эксплуататорское лицо хозяев-золотопромышленников, тесно связанных с местной и центральной властью, Лопатин писал в очерке: «Капитализм, наследственные привилегии, поповство и бюрократия постольку поддерживают самодержавие, поскольку самодержавие, в свою очередь, поддерживает их в их интересах... Кому не известно, что монархия, родовая привилегия, бюрократия и капитализм суть родные братья (здесь подчеркнуто нами.— В. А.)»³. Самодержавие, родовая привилегия (дворянство), церковь, бюрократия (административный аппарат) и капитализм, писал далее Лопатин, «суть необходимые результаты нынешнего общественного устройства, его законное детище»⁴. Таким образом, если Ткачев говорил об искусственном насаждении в России государством

¹ См. Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, стр. 195—207.

² ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283, л. 76 об.

³ «Вперед!» № 11 от 15 июня 1875 г., стр. 334.

⁴ Там же.

дворянства и капиталистов, Лопатин показывает их как «законное детище», как «необходимый продукт общественного устройства» России.

Ю. М. Рапопорт в своей работе о Лопатине обратил внимание на то обстоятельство, что, «делая верные выводы о причинах нищенского уровня жизни рабочих и крестьян Сибири, о влиянии капиталистической эксплуатации на изменение характера труда рабочих, о неизбежности развития капитализма и ряд других правильных наблюдений, Лопатин до конца не смог все же понять марксистской политической экономии и не делал в своих статьях революционных выводов, которые из нее вытекали»¹. Далее Ю. М. Рапопорт говорит о «мелкобуржуазной ограниченности» социально-экономических взглядов Лопатина.

В самом деле, как же случилось, что революционер, метко вскрывая сущность социально-экономических отношений в России, не делает в своей статье «революционных выводов, которые из нее вытекали»?

Готовя свою корреспонденцию «Из Иркутска», Лопатин просил Лаврова поместить примечание к пей, в котором должно было быть указано, что корреспонденция печатается в связи с отставкой и отъездом Синельникова из Сибири. Лавров, очевидно, возражал, в ответ на что Лопатин писал ему: «Я ничего не имею против выкинутия примечания к корреспонденции. Но для «нашего» (очевидно, здесь имеется в виду К. Маркс или Ф. Энгельс. — В. А.) сообщаемые факты мелки, а сведения об общем ходе революции жалки. Это единственная причина, заставившая меня возместить бедность материала особенностью формы»². Не случайно поэтому Лопатин группирует весь материал вокруг личности Синельникова и дает исчерпывающую характеристику этому самодуру, хотевшему одними своими реляциями облагодетельствовать Сибирь. При этом в образе Синельникова современному

¹ Ю. М. Рапопорт, Из истории связей русских революционеров с основоположниками научного социализма (К. Маркс и Г. Лопатин), М., 1960, стр. 42.

² ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 318.

читателю был представлен обобщенный тип деспота — правителя самодержавной России. В самом начале статьи Лопатин писал: «...правду вы говорите, что самодержавие и произвол сильны только на зло и совершенно бессильны на добро, даже в тех случаях когда они действительно желают его»¹. Далее Лопатин указывал на Синельникова, который попробовал прижать злодеев-золотопромышленников, но, однако, этот столп самодержавия упал, а они здравствуют. Показав затем, как золотопромышленники разоряли народные массы Сибири, и вскрыв при этом органическую связь капитала со всем социально-экономическим строем России, Лопатин завершил композиционный замысел статьи убийственной характеристикой Синельникова.

«Старый служака, подвизавшийся на педрище коронной службы целых 50 лет, он из своей собственной практики знал всю продажность, своекорыстие и грубость российской администрации вообще и администрации глухих мест в частности. И тем не менее, старый, несправимый мечтатель, он все-таки надеялся при помощи самоличной пронизательности, самоличного наблюдения за всем, самолично задаваемого им страха, самоличной брани, угроз и палочных ударов заставить *эту же самую администрацию* служить интересам народа и помогать ему в достижении того относительного благосостояния, какое только возможно при добросовестном выполнении современного закона и при современном общественном устройстве. Дальше этого оп, конечно, не метил...»²

Современник, читая эти строки, отлично понимал мысль Лопатина о том, что никакие, даже добрые, намерения не могли при сохранении существовавшего общественного устройства привести к положительным результатам. Несомненно, он был здесь по надеждам либералов на реформу.

«Вам,— продолжал Лопатин,— вероятно, попадались на глаза его циркуляры, подхваченные столичными газетами. Из этих циркуляров вы могли видеть,

¹ «Вперед!» № 7 от 15 (3) апреля 1875 г., стр. 201.

² «Вперед!» № 11 от 15 июня 1875 г., стр. 335.

как энергически схватился он сразу за дело. В них он прямо и резко шельмовал все, что видел кругом себя (и что действительно заслуживало этого шельмования) и, казалось, собирался не оставить камня на камне. Ему хотелось этими циркулярами вызвать доверие общества к его реформаторским стремлениям и побудить это общество к содействию ему посредством указания того, что, где и как неладно. Ему хотелось вызвать этим на жалобы, доносы, указания, разрушить всегдашнее убеждение местных жителей, что генерал-губернатор есть естественный покровитель всех чиновничьих злоупотреблений. Он прежде всего нуждался в сведениях, в гласности, но в гласности *особенной*, в гласности не для общества, а *для себя*, источника будущих реформ...

Его привычка вмешиваться самолично во все мелочи повела к застою важных дел. Та же привычка вмешиваться в качестве последней инстанции во все судебные, административные, чисто городские и чисто общественные вопросы повела к смешению всех областей воедино, к перерешениям уже решенного, к общей бестолковщине и, наконец, к какому-то общему недоумению и недоверию к прочности и окончательности чего бы то ни было, что не могло не отразиться известным образом на всей жизни общества.

Вот к чему пришла у нас диктатура Синельникова, несмотря на все его добрые намерения, вследствие того, что он позабыл несколько важных истин: что «один в поле не воин», что «нового вина не вливают в старые мехи», что не «всякие» средства пригодны для достижения «некоторых» целей и что никакое неэффемерное изменение к лучшему положения масс не может быть построено на фундаменте современного порядка и не может быть осуществлено помощью специально приспособленных к этому порядку средств: окрика и палки»¹.

Указывая в заключительной части статьи на полный крах этого «реформаторства» Синельникова,

¹ «Вперед!» № 11 от 15 июня 1875 г., стр. 336—338.

Лопатин подчеркивал всемогущество самодержавного капитала и тем самым объективно вскрывал несостоятельность взглядов революционных народников на капитализм как случайное, искусственное явление в России.

К сожалению, мы не располагаем еще сведениями, как реагировали на эту статью Энгельс и Ткачев. Несомненно, она была по Ткачеву, обнажала несостоятельность его теории.

Итак, мы видим, что в критике теоретических положений как Лаврова и Бакунина, так и Ткачева Лопатин примыкал к Марксу и Энгельсу. Однако означает ли это, что он считал для себя марксизм руководством к действию или подобно народникам отрицал его применимость к специфическим условиям России? Ответ на этот вопрос может дать лишь анализ тех шагов, которые Лопатин как революционер-практик предпринимал в России для осуществления своих замыслов.

Во всяком случае в 70-х годах, когда в России только зарождался пролетариат и делал лишь первые и пока еще разрозненные попытки самостоятельной борьбы, Лопатин считал невозможным в тогдашних конкретных условиях России вести революционную работу для осуществления пролетарской революции и в связи с этим иронически замечал в письме Лаврову из России от 30 июля (11 августа) 1878 г., что некоторая часть русских «становится под немецкое знамя (на русской-то почве!)»¹. Но в то же время Лопатин делал правильный вывод из учения Маркса о необходимости развертывания в России политической борьбы, которая на первых порах приведет не к социалистической революции, а к буржуазно-демократическому преобразованию страны. В одном из писем Лаврову этой поры Лопатин, высказывая свою особую заинтересованность одним посетителем, «явившимся изнутри империи», выражал желание поговорить с ним, но не собиравшись менять свои взгляды, «особенно, — писал Лопатин, — если и он предпочитает конституции (подчеркнуто нами. — В. А.) «императорский социа-

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, о. х. 283-а, л. 284.

лизм», т. е. благожелательного, по самодержавного императора с совещательным Земским Собором... O tempora! O mores!...»¹ Позже эти идеи будут четко сформулированы Лопатиным.

Продолжая оставаться вне партии, Герман Александрович внимательно изучал жизнь России. Юг Украины, где сильно было развито революционное движение народничества, Крым, Северный Кавказ, ставший в 70-х годах, как это убедительно показывает в своем исследовании В. П. Крикунов, одним из центров деятельности революционеров-разпочинцев, Центральная Россия и столицы — Москва и Петербург — вот география путешествий Лопатина. Об ознакомлении его с другими, и очень отдаленными, местами России заботилось царское правительство. Письма Лопатина с дороги — свидетельство острой наблюдательности и умения верно схватывать малейшие изменения, намечавшиеся в жизни страны.

Особенно внимательно к событиям в России Лопатин стал относиться с 1878 г. Этому способствовал ряд обстоятельств. В Европе, усиливаясь, наступала реакция. Германский канцлер Бисмарк старался провести исключительный закон против социалистов. «Как Вам нравятся нынешние германские дела? — в связи с этим писал Лопатин Лаврову. — Что если предлагаемый закон пройдет? Хотя и не вполне? Что будут делать немецкие социалсты-легалисты? Борьба на легальной почве станет, пожалуй, почти невозможной. А достаточно ли назрело движение, чтобы сойти на незаконную почву? Может ли правительственное давление вызвать взрыв социального нарыва? Не думаю... Итак, опять регресс...»² В России же революционеры-народники стали переходить к более решительным формам борьбы. Начало 1878 г. там ознаменовалось выстрелом В. Засулич в петербургского градоначальника Трепова и вооруженным сопротивлением, оказанным при аресте революционерами Одессы. «Вот

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 295.

² Там же, л. 323 об.

это молодцы! Чистая Плевна! — восклицал Лопатин сообщая о последнем факте Лаврову. — У неприятеля выбыло из строя 7 или 8 человек, а у нас только 2! Это не цигановский выстрел на воздух и не прежние забирания без всякого сопротивления людей, вооруженных невесть для чего револьверами, ножами и пр.»¹. Сначала одиночки, затем отдельные группы и, наконец, основные силы революционеров вскоре открыли огонь по представителям власти и самому царю. Симптомы этого перелома в тактике борьбы наметились уже в 1878 г. В феврале — марте 1878 г. Лопатин писал Лаврову, что, судя по письмам в редакцию журнала «Община», видно, «что «движение в народе» совершенно прекратилось (нет ни одного человека на этой почве) и что в молодежи замечается поворот к якобинству (хотя и не к Ткачу, Набату и К°) или по крайней мере к заговору с простенькой, ближайшей целью, по возможности, с насилием и треском. Явный признак отчаяния, вызванного громадностью задачи спропагандировать и организовать массы и малым успехом первых попыток»². С 1878 г. в России стала усиливаться классовая борьба крестьян и рабочих.

Все это вызвало у Лопатина желание лично разобратся в обстановке, и он едет в Россию, и на этот раз живет там длительное время — с июля по ноябрь 1878 г. Лопатин встречался и говорил со всеми сколько-либо заметными в революционном движении лицами из московских и петербургских групп народничества. Он был в Петербурге в день убийства Мезенцева (4 августа); с ним вели переговоры о вхождении в редакцию готовившегося к изданию журнала «Земля и воля»; террористы, зная отвагу Лопатина, звали его в свои ряды.

Вернувшись за границу, Лопатин 23 ноября в таких словах передал Энгельсу свои впечатления о русских революционных делах: «Социалистическая пропаганда среди крестьян, по-видимому, почти прекрати-

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283, л. 123 об.

² Там же, е. х. 283-а, л. 333.



Г. Лопатин в 1910 году



Г. Лопатин и М. Горький на Капри

лась. Наиболее энергичные из революционеров перешли, инстинктивно, на путь чисто политической борьбы, хотя и не имеют еще нравственного мужества открыто сознаться в этом. Эта политическая борьба носит, правда, пока чрезвычайно узкий характер, ограничиваясь исключительно актами мести против некоторых лиц и попытками освободить отдельных товарищей. Что касается общества вообще, то оно постепенно теряет последние крохи уважения к правительству и нередко взирает с сочувствием на действия крайней партии»¹. Тут же он выражает намерение скоро вновь возвратиться в Россию. Энгельс, видимо, высказывался против этой поездки. «Ваши советы, может быть, очень благоразумны и очень хороши,— отвечал ему Лопатин 15 января 1879 г.,— но я, кажется, не в состоянии буду долго оставаться за границей и скоро вернусь на родину, конечно, под чужой фамилией»².

Естественно, с усилением в стране классовой борьбы и деятельности революционных групп Лопатин не мог оставаться за границей и 19 января 1879 г. под именем коллежского секретаря Севостьянова возвратился на Родину.

Кроме встречи с Тургеневым³, который настоятельно просил Лопатина скорее покинуть Россию, так как власти уже искали его, Лопатин успел увидеться со многими революционерами. Любопытна краткая зарисовка Лопатина в письме Лаврову своей встречи с крупным революционером и писателем-народником Кравчинским: «Видел Кравчинского,— писал о нем Лопатин.— Спрашиваю его, между прочим: «Ясно ли видите перед собой дорогу?»—«Довольно ясно?»—«Я вам завидую».—«Видите ли, сознаюсь, что для России я вижу ее очень неясно, даже почти вовсе не вижу; но для заграницы вижу очень ясно, и особенно для Италии».—«Изумляюсь». Но вообще мы встретились и расстались

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1961, стр. 230.

² Там же, стр. 231.

³ См. «Красная Повесть» № 8, 1927 г.

крайне дружелюбно»¹. Проявить себя в каких-либо действиях Лопатин не успел, так как через шесть дней после приезда был арестован. Он был предан своим парижским знакомым Вороновичем, который оказался царским агентом. Лопатину грозила смертная казнь за подозрение в участии в убийстве Мезенцева, но он опроверг это обвинение и через тринадцать месяцев заключения, весной 1880 г., был отправлен в ссылку в Ташкент. Это было время разгара подпольной войны «Народной воли» с царизмом.

ТАШКЕНТСКАЯ И ВОЛОГОДСКАЯ ССЫЛКИ

В далеком от центров России Ташкенте пульс жизни политической оппозиции бился слабо. Лишь в доме опального медика П. И. Хомутова собирались прогрессивные русские деятели Туркестана. Их кружок не выходил за рамки либерально-просветительских целей. Вскоре по прибытии в Ташкент в нем появился и Лопатин, который сразу приобрел репутацию «политического» члена кружка. «С его приходом,— пишет Д. Димов,— хомутовский кружок стал чаще собираться, обсуждать острые проблемы жизни края, активнее влиять на общественную жизнь русской части Ташкента... Г. А. Лопатин постоянно говорил об обязанности поднимать сознательность местного населения, помогая ему отличать русского помещика от русского труженика, облегчать участь подневольного народа борьбой за справедливое распределение земли и воды, развитие просвещения и здравоохранения»².

В хомутовском кружке Лопатин познакомился с выдающимся исследователем Средней Азии В. Ф. Опаниным и последние восемь месяцев своего пребывания в Ташкенте прожил на его квартире. Вместе они совершали экскурсии в окрестности Ташкента, в район

¹ ЦГАОР, ф. 1762, оп. 4, е. х. 283-а, л. 330.

² «Правда Востока», 17 декабря 1957 г., № 295/10355.

Ходжента, по Сыр-Дарье. Дружба революционера с ученым сохранилась на всю жизнь. Отрывочные отзывы В. Ф. Ошанина, сообщенные недавно умершим сыном естествоиспытателя, профессором Среднеазиатского университета Л. В. Ошаниным, представляют интерес. «Как-то раз в беседе с отцом,— пишет Л. В. Ошанин,— я спросил, почему он не сожалеет об утрате наукой такого выдающегося прирожденного естествовика, каким, по его словам, является Г. А. Лопатин. Василий Федорович ответил: «Ну-у... Герман Александрович другое дело. Это для него исключено. Можно ли представить себе Илью Муромца, Алешу Поповича, Добрыню Никитича или любого русского богатыря в роли ученого-исследователя?»¹

В Ташкенте Лопатин не намеревался засиживаться. Уже в 1880 г. через отца он делает попытку перевестись в европейскую часть России. После убийства 1 марта 1881 г. народовольцами Александра II Лопатин стал энергично ходатайствовать о своем переводе (в данном случае в Вологду), чтоб облегчить задуманный им побег. Это подтверждает и Л. В. Ошанин, который в личном письме рассказывал автору следующее: «На удивленный вопрос отца, зачем он меняет пребывание в Ташкенте на гораздо менее удобную ссылку в Вологодской губернии, Лопатин сказал, что ему необходимо бежать «по своим делам» (т. е. по революционным делам) за границу. Отсюда же он бежать не может, т. к. не хочет «наказывать» Глинку-Янчевского (родственника, который поручился за Лопатина крупной суммой.— В. А.) ...и не хочет подводить отца и других своих туркестанских друзей».

30 декабря 1881 г. Лопатин получил известие об удовлетворении его настоятельных просьб по переводу и в середине января 1882 г. покинул Ташкент, о чем Даниельсон тотчас же известил Маркса.

Вологда была местом административной ссылки политических врагов царизма. Ссылная молодежь

¹ Л. В. Ошанин и А. А. Азатъян, Василий Федорович Ошанин, М., 1961, стр. 32.

восторженно встретила Лопатина и сразу стала группироваться вокруг него. Ссылный Евгений Карпов и поднадзорные местные жительницы сестры Юшины, как свидетельствуют власти, были его ближайшими помощниками. У них, особенно у последних, устраивались сходки. Вологодский губернатор доносил в Петербург, что им удалось сплотить «около себя как состоящих здесь под негласным надзором, так и других лиц разных сословий»¹. В другой раз, несколько позже, он писал: «Ссылные бывали друг у друга, в их кружке появлялись ученики средних заведений и посторонние лица»². Из донесений полицейских и отчетов губернатора мы узнаем и более подробные факты деятельности кружка Лопатина. «Лиц в этом кружке, известных полиции,— читаем в одном из них,— насчитывается 24, причем в среде оного являются по временам еще люди и неведомые полиции, потому что ходят ночью и сильно закрывают себя платьем». Или еще: «На собраниях, часто повторяющихся, читают и пишут»³. Читали они журналы «Дело», «Русскую мысль», старый «Современник», книгу Чернышевского «Что делать?» Эту литературу полицейским удавалось «видеть» в руках того или другого члена кружка. Полиции при обыске осенью 1882 г. удалось найти в квартире Юпиных запрещенную статью Чернышевского (название не указано). Большого власти ничего узнать не могли. Сетуя на невозможность поймать членов кружка с поличным, губернатор писал, что «такие опытные и несправимые ссылки, как Лопатин... не позволяют захватить себя врасплох»⁴. Однако губернатор резко усилил меры надзора. Чтобы «расчленить» кружок Лопатина, он решил выслать его руководителей в отдаленные места губернии, по Лопатин опередил эти действия властей и «собственной властью переехал в Париж». Этот побег был совершен им так

¹ ЦГАОР, ф. ДП, делопроизводство 5-е, № 7023, ч. 4, 1881 г., л. 57.

² Там же, л. 66.

³ Там же, № 3606, 1883 г., л. 1, 2.

⁴ Там же, л. 2.

искусно, что в полицейской книге ежедневной регистрации поведения поднадзорных сведения о Лопатине заносились 25 и 26 февраля 1883 г., тогда как побег был совершен 24 февраля.

ЗА ДЕМОКРАТИЧЕСКУЮ РЕВОЛЮЦИЮ

13 марта 1883 г. в день смерти К. Маркса Лопатин перешел границу. Его, как об этом писал Лавров Энгельсу, «глубоко потрясло известие (о смерти Маркса.— В. А.), которое я сообщил ему тотчас по его приезде... Лопатин говорит, что он никак не может осознать, что Маркса нет в живых»¹. В воспоминаниях, записанных с его слов в 1913 г. С. П. Струмилиной-Петрашкевич, Лопатин с большой теплотой и волнением говорил о своих отношениях с Марксом: «Я испытывал на себе чисто отеческую любовь его ко мне. Часто виделись мы с ним, горячились, спорили, случалось, говорили подолгу о пустяках... а многое, многое, очень важное, осталось невыясненным. Обо многом надо было узнать, попросить совета»². Теперь Лопатин спешил к Энгельсу, чтобы разделить с ним тяжесть утраты, обсудить новую обстановку в России и определить линию своего поведения на будущее. Энгельс в свою очередь ждал Лопатина. 2 апреля 1883 г. он писал Лаврову: «Мы все были радостно удивлены известием о том, что наш смелый, до безумия смелый, Лопатин снова благополучно вернулся на волю. Будем надеяться, что, сохранив смелость, он оставил безумие в России. Надеюсь увидеть его здесь на днях. Передайте ему от меня горячий привет»³.

Отъезд в Лондон Лопатину приходилось откладывать из месяца в месяц из-за затянувшихся поисков квартиры и необходимости заработать средства к суще-

¹ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 266.

² «Красная Новь» № 8, 1927 г., стр. 169.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 268—269.

ствованию. В этот период с ним вели переговоры о вступлении в партию М. Опанин и Л. Тихомиров — единственные оставшиеся на свободе члены Исполнительного Комитета «Народной воли». Они скрылись за границу и вместе с П. Л. Лавровым и Г. В. Плехановым налаживали издание нового органа партии — «Вестник Народной воли». Появление Лопатина среди них в такой момент, когда в рядах разгромленной партии продолжались аресты, было встречено ими с радостью и надеждой на его помощь. Лопатину было сделано предложение вступить в партию, но он отклонил его.

Как только были устроены его личные дела, Лопатин выехал в Лондон, но 20 сентября 1883 г., после беседы с Энгельсом, отправил М. Н. Опанину письмо и предложил себя в ~~исполнительную~~ партию. Почему произошел такой решительный поворот в отношении Лопатина к Исполнительному Комитету?

В 1907 г. Н. С. Русанов (псевдоним — Н. Кудрин) писал, что в течение нескольких месяцев 1883 г. взгляды Лопатина на «Народную волю» претерпели «значительные изменения». По словам Русанова, Лопатин «вполне сознавал значение политической борьбы против самодержавия, с такой энергией и блеском веденной Народной волей. Но его отталкивал заговорщический, строго конспиративный и централизованный способ борьбы... На этой-то почве,— писал далее Русанов,— разыгрывался в течение нескольких месяцев кризис в мужественной душе Германа Александровича. К осени 1883 г. Лопатин значительно подошел к народолюбцам и, конечно, сейчас же занял здесь исключительное положение одного из политических руководителей и боевых практиков»¹.

Н. С. Русанов, только что познакомившийся с Лопатиным, принимал активное участие в переговорах с ним в 1883 г. членов Исполнительного Комитета. Лопатин даже высказывал свое суждение по поводу

¹ Н. Кудрин, Герман Александрович Лопатин, Галерея пллиссельбургских узников, СПб., 1907, ч. 1, стр. 197.

статьи Русанова «Банкротство буржуазной науки», написанной в ответ на вышедшую в 1881 г. книгу проф. Иванюкова «Основные положения теории экономической политики». Любопытно, что Ошанина, восторженно отзываясь о статье Русанова, в присутствии автора и П. Л. Лаврова стала упрашивать Г. А. Лопатина: «...ну скажите Петру Лавровичу — он Вам больше поверит, чем мне, — что Н. С. (Русанов) славную вещь написал... Видите, как Петр Лаврович насупился, а ведь он всегда такой любезный. А зачем? Это же не против Маркса... Правда, Герман Александрович, не против?.. Кому как не вам знать учение Маркса... Недаром я слышала, сам Маркс говорил, что вы один из всех людей поняли его и даже предсказали, что он будет писать во втором томе»¹.

Г. А. Лопатин, по словам Н. С. Русанова, так ответил М. Н. Ошаниной:

— «Мне лично статья Н. С. поправилась. Не говорю, чтобы я был совсем с нею согласен. Иное я выразил бы в другой форме. Но в общем она будет у места, да и живо написана... Вот насчет Маркса я согласен с Петром Лавровичем, мне кажется, что, действительно, можно почаще упоминать о Марксе. И я наметил уже такие места...»²

Мы обратили внимание читателя на этот эпизод для того, чтобы подчеркнуть немолодежный характер знакомства Лопатина с Русановым в 1883 г., в силу чего его высказывания о Лопатине по поводу вступления в партию «Народная воля» имеют определенное значение. В то же время мы увидим, что Русанов не сумел разобраться в сущности сложных раздумий Лопатина. Указывая, что Лопатин «не примкнул в свое время ни к лавристам, ни к бунтарям, ни к Земле и воле, ни к Народной воле... ни к Черному переделу»³, Русанов одновременно отмечал поразившую его расплывчатость политических воззрений Лопатина.

Посмотрим, так ли это было на самом деле.

¹ Н. С. Русанов, В эмиграции, М., 1929, стр. 89—90.

² Там же, стр. 90.

³ См. там же, стр. 118.

Сам Русанов тут же писал, что Лопатин «приехал в Париж сторонником общего политического напора на правительство, которое накануне коронации Александра III не могло еще считать себя достаточно прочно сидящим. Лопатину казалось, например, что всего целесообразнее было бы, если бы русские революционеры, народовольцы или чернопередельцы, совершенно не выдвигали никакой социальной программы, а ограничивались бы чисто политическими, притом самыми умеренными, требованиями в духе, скажем, земского либерализма...

Тактика «Народной воли» представлялась Лопатину в течение еще первых двух-трех месяцев его пребывания в Париже чересчур односторонней, рассчитанной на незначительное революционное меньшинство, а не на все общество»¹. Русанов не мог себе представить, чтоб социалист совершенно не выдвигал «никакой социальной программы», что в данном случае означает социалистической программы в духе «Народной воли» или «Черного передела», а боролся лишь за чисто политические, казавшиеся Русанову слишком умеренными требования о созыве Земского собора.

Ниже мы специально остановимся на характеристике идеи Лопатина о созыве Земского собора в России, а пока продолжим рассказ Русанова об эволюции Лопатина к народовольцам в 1883 г. Он отмечал, что «Лопатин переживал как раз в эти месяцы личный душевный кризис и, что называется, метался из стороны в сторону». При таких обстоятельствах сначала Лаврову, а затем Ошаниной и Тихомирову к концу лета 1883 г. удалось, по словам Русанова, уговорить Лопатина помочь «Народной воле» сначала хотя бы в каком-нибудь «специальном предприятии». При этом, подчеркивал Русанов, новым препятствием было уломать Лопатина подчиниться хотя и добровольной, но строгой дисциплине, составлявшей силу партии.

Указывая на его идейное расхождение с народовольцами, Русанов в то же время в конечном счете все

¹ И. С. Русанов, В эмиграции, М., 1929, стр. 118—119.

сводит к личным качествам вольнолюбивого характера Лопатина, не желавшего подчиниться дисциплине организации, «действующей в исключительных условиях заговора». Поэтому, заключает Русанов, стоило Опаниной и Тихомирову предложить Лопатину «вступить в партию под условием согласия лишь с некоторыми общими теоретическими положениями и тактическими приемами Народной воли, а работать на практике самостоятельно в качестве высшего агента Исполнительного Комитета (фактически существовавшего лишь за границей в лице Тихомирова и Опаниной), который дает ему поручение восстановить расшатанную организацию, как выход был найден».

В статье «Из моих воспоминаний», опубликованной в первом номере «Свободной России» в 1889 г., В. Бурцев тоже указывал на сделанные народовольцами уступки Лопатину при вступлении его в партию, но он подчеркивал сохранение Лопатиным не дисциплинарной, а идейной свободы: «Он (Лопатин.— В. А.),— писал Бурцев,— мог не ограничивать свою деятельность рамками определенной программы, определенного понимания цели, задач и способов революционной деятельности. К сожалению, Лопатин так и не воспользовался ни на воле, ни на суде этим исключительным правом на искренность, и Лопатина, как революционного деятеля, мы совершенно не знаем, а между тем это в высшей степени было бы поучительно,— это я говорю по некоторым сведениям о Лопатине, которые есть у меня»¹.

В. Бурцев был членом «Молодой партии Народной воли», которая, встретив приезд Лопатина, как представителя старого Исполнительного Комитета, «крайне враждебно», затем вынуждена была подчиниться его воле. Таким образом, В. Бурцев бок о бок действовал с Лопатиным последнее полугодие его революционной борьбы и в отличие от Русанова знал саму деятельность и, судя по его словам, истинные намерения Лопатина. Историк для полного выяснения этого вопроса

¹ «Свободная Россия» № 1, февраль 1889 г., стр. 54.

должен иметь те «некоторые сведения», которыми располагал Бурцев и которых нет в нашем распоряжении.

Совершенно иную, чем Русанов, трактовку вступления Лопатина в «Народную волю» дал Л. Дейч. Во время своего пребывания за границей в 1883 и 1884 гг. Лопатин, очевидно, не раз встречался с членами группы «Освобождение труда». И. И. Попов свидетельствует, что в это время Лопатин сблизился с Л. Г. Дейчем и Г. В. Плехановым. «Статью последнего «Новое направление в политической экономии», напечатанную в «Отечественных записках» и подписанную псевдонимом «Валентинов», — писал И. И. Попов, — Лопатин одобрял и считал, что то большое внимание и благоприятные отзывы, с которыми статья была встречена в России, были вполне заслужены автором»¹.

Лев Дейч, таким образом, хорошо знал идейные убеждения Лопатина. Отметив, что Лопатин до того не вступил ни в какую революционную организацию, Л. Дейч затем писал: «Тем менее можно было допустить, чтобы он, тогда сторонник *марксистских взглядов* (подчеркнуто нами. — В. А.), согласился вступить в якобы-бланкистскую организацию, каковою в то время являлась народовольческая»². Не видя идейной общности Лопатина с народовольцами, Л. Дейч все свел к личным качествам революционера. «Ошаниной, — писал далее он, — не трудно было склонить его на свою сторону: его должна была привлекать перспектива воссоздателя разбитой армии и связанные с этой миссией всевозможные происшествия, приключения и разнообразные ощущения, на что он был столь падок»³.

И. И. Попов, современник и участник описываемых событий, однажды заметил Г. И. Успенскому, «что

¹ И. И. Попов, Герман Александрович Лопатин, М., 1930, стр. 38.

² Л. Дейч, Г. А. Лопатин. «Голос минувшего» № 5—12, 1919 г., стр. 219.

³ Там же.

в натуре «удалого доброго молодца», как в письме к Н. К. Михайловскому Глеб Иванович называет Лопатина, есть доля своего рода авантюризма.

— Как можно так говорить о Лопатине! — горячо запротестовал Успенский. — В нем нет никакого авантюризма: это лишь изумительная отвага... Вся его жизнь — ряд подвигов, совершенных им по глубокому убеждению, что это необходимо для дела, которому он отдает свою жизнь»¹.

Вот именно эта глубокая убежденность в необходимости совершаемых им поступков, что правильно подметил Г. И. Успенский в Лопатине, а не желание пощекотать нервы, как думал об этом Л. Дейч, заставила Лопатина формально присоединиться к партии «Народная воля». Ответ на вопрос, каким было то дело, ради которого он сделал этот шаг, мы находим в письме Лопатина к Ошаниной от 20 сентября 1883 г.

Чем же интересно это письмо? С первых фраз оно приковывает к себе внимание. «Мы много говорили о русских делах, — писал он о своей встрече с Энгельсом, — о том, как пойдет, вероятно, дело нашего политического и социального возрождения. Как и следовало ожидать, сходство взглядов оказалось полнейшее; каждый из нас то и дело договаривал мысли и фразы другого»².

Итак, в чем же заключалось дело «политического и социального развития» России? «Он (т. е. Энгельс. — В. А.), — писал Лопатин, — тоже считает (как и Маркс, как и я), что задача *революционной* партии или партии *действия* в России в данную минуту не в пропаганде нового социалистического идеала и даже не в стремлении осуществить этот далеко еще не выработанный идеал с помощью составленного из наших товарищей временного правительства... он не верит

¹ И. И. Попов, Глеб Иванович Успенский. Летопись государственного литературного музея. Глеб Успенский. Книга четвертая, М., 1939, стр. 448.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 207.

в моментальное осуществление коммунизма или чего либо подобного...»¹

До сих пор в биографии Лопатина мы встречались с такими документами, которые свидетельствовали о расхождении его по теоретическим вопросам с главными теоретиками народничества, их группами и партиями, но не содержали ясных указаний на то, как сам он определял задачи развития своей страны. Цитированные здесь строки его письма к Ошаниной впервые дают возможность выяснить суть этих вопросов. Лопатин, как об этом говорил он в письме, и в 1883 г. считал невозможной в России социалистическую революцию, во что так горячо верили и за что так страстно, с такой отвагой и самоотверженностью боролись народники. Известно, что свою веру в возможность осуществления быстрой социалистической революции они основывали, с одной стороны на мнении о непрочности царского государства и с другой — наличии твердых общинных, т. е., по их мнению, социалистических, основ народной жизни. «Мужик — коммунист по инстинкту» — это выражение было одной из краеугольных теоретических формул народничества. Считая, как и Энгельс, что очередные преобразования в России должны иметь вовсе не социалистический характер, Лопатин, естественно, не разделял веру народников в чудодейственную силу общины. Как известно, Маркс и Энгельс допускали, что община может стать основой будущего прогресса России, но только в том случае, если русская революция совпадет по времени с пролетарской революцией на Западе и более развитый в промышленном отношении социалистический Запад поможет ей развить свои производительные силы, если сама община в своем развитии претерпит ряд преобразований. Без этих «если» Маркс и Энгельс никогда не считали русскую общину панацеей от зол капитализма или основой будущего социализма. Отвечая одному из своих корреспондентов на поставленные им вопросы, Лопатин в 1906 г. писал: «Маркс никогда

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 207, 208.

не высказывал мне ни в *категорической*, ни в сколько-нибудь *определенной* форме своих надежд на то, что русская община поможет России миновать капиталистическую стадию развития. *Не думаю*, чтобы он верил в это хотя одну минуту»¹.

Именно Маркс убедил Лопатина в несостоятельности надежд русских революционеров на общину. Благодаря неустанным заботам Маркса о идейном развитии Лопатина его ученик сумел в понимании исторических задач стать выше своих современников.

Отрицая осуществимость в России 1883 г. социалистической революции, Энгельс и Лопатин считали очередной задачей добиваться «лишь того, что уже назрело в жизни и в душе народа»².

Мы знаем, что ни реформа 1861 г., ни последовавшие за ней буржуазные реформы 60—70-х годов не ликвидировали феодальных пережитков, не могли расчистить путь для свободного развития капитализма. Сохранение помещичьего землевладения и зависимость крестьянства от этого феодального класса, господство помещиков в правительстве и государственном аппарате — все это делало неизбежной буржуазно-демократическую революцию в России. Она-то и была для Энгельса и Лопатина тем, «что уже назрело в жизни и душе народа».

Маркс и Энгельс были убеждены в неизбежности скорой революции в России. Полемизируя в 1875 г. с Ткачевым, Энгельс после анализа внутреннего положения в России пришел к выводу, что в стране «сочетаются все условия революции» и что «эту революцию начнут высшие классы столицы, может быть даже само правительство, но крестьяне развернут ее дальше и быстро выведут за пределы первого конституционного фазиса»³. И в 1883 г. Энгельс говорил Лопатину то же самое: что натиск революционных сил может

¹ «Былое» № 15, 1920 г., стр. 153.

² Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 208.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 206—207.

вынудить царя созвать Земский собор. «Он (Энгельс.— В. А.) верит, как и я,— писал Лопатин Ошаниной,— что подобный Собор неизбежно приведет к радикальному, не только политическому, но и социальному переустройству. Он верит в громадное значение избирательного периода, в смысле несравненно более успешной пропаганды, чем все книжки и сообщения на ухо»¹.

Отсюда следовала задача направить все силы «к тому,— говорится в письме,— чтобы 1) или принудить государя созвать Земский собор, 2) или же путем устрашения государя и т. п. вызвать такие глубокие беспорядки, которые привели бы иначе к созыву этого Собора или чего-либо подобного»².

Маркс и Энгельс, вскрывая вопиющие экономические, политические и классовые противоречия в России, считали, что они удерживаются лишь азиатским деспотизмом и произволом власти. Но и при этом власть теряет свой авторитет. «Это деспотизм,— писал Энгельс,— который не только с каждым днем вступает во все более вопиющие противоречия со взглядами просвещенных классов, в особенности со взглядами быстро растущей столичной буржуазии, по который в лице нынешнего своего носителя сам запутался: сегодня он делает уступки либерализму, чтобы завтра с перепугу взять их обратно, и таким образом сам все более и более подрывает всякое к себе доверие»³. Россия представлялась Марксу и Энгельсу, образно говоря, в виде стоящего на огне закупоренного котла, в котором под огромным давлением скапливались пары. Казалось, подымись температура кипения еще на долю градуса, и раздастся взрыв.

В такой обстановке Энгельсу и Лопатину казалось важным дать начало, толчок назревшему процессу: «разбить роковую силу застоя, выбить из минуты народ и общество из состояния косности и неподвижно-

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 207.

² Там же, стр. 207.

³ Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями, М., 1951, стр. 206.

сти, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством, который всколыхнул бы спокойное народное море и вызвал бы всенародное внимание и всенародный энтузиазм к делу полного общественного переустройства. А результаты явятся сами собой, и именно те, которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи»¹.

Кто же должен разбить «роковую силу застоя», выбить «народ и общество из состояния косности и неподвижности, произвести такой беспорядок, который принудил бы правительство и народ заняться внутренним переустройством?» Энгельс, как передает Лопатин, «верит, что народ сумеет найти себе красноречивых выразителей своих нужд и стремлений и т. д.»² Такие люди были в России, они составляли ряды ее героических революционеров. «И я, и Маркс находим,— передавал далее Лопатин буквальное высказывание Энгельса,— что письмо Комитета (речь идет о письме Исполнительного Комитета «Народной воли», направленном Александру III после убийства 1 марта 1881 года Александра II.— В. А.) Александру III положительно прекрасно по своей политичности и спокойному тону. Оно доказывает, что в рядах революционеров находятся люди с государственной складкой ума»³.

Симпатии Маркса и Энгельса к деятельности Исполнительного Комитета «Народной воли», которые они не раз высказывали, вовсе не означали признания ими средств борьбы и осуществимости идеалов народовольцев. «...Эти люди, взорвавшие мину,— писал Энгельс о народовольцах,— будут унесены взрывом, который станет в тысячу раз сильнее их и найдет себе выход, где он сможет и как потребуют экономические силы и условия»⁴. Таким образом, народовольцы, по мнению Маркса и Энгельса, делали полезное дело, но были лишь

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 208.

² Там же.

³ «Материалы для истории русского социально-революционного движения», Женева, март 1893 г., № 2, стр. 99.

⁴ Группа «Освобождение труда», сб. № 3, стр. 26.

горючим материалом истории в силу специфических условий России.

Лопатин после бесед с Энгельсом увидел в пароло-
вольцах именно ту силу, которая выбьет народ и обще-
ство России из состояния застоя, косности и неподвиж-
ности, за чем последуют те результаты, «которые воз-
можны, желательны и осуществимы для дапной эпохи». Сам же революционер при этом или вынуждены бу-
дут согласиться с происходящим процессом, или, как говорил Энгельс, «будут унесены взрывом».

Буржуазно-демократическая революция или пре-
образования в России рассматривались Энгельсом лишь
как начало коренного и полного социально-экономиче-
ского преобразования страны. При этом русская револю-
ция одновременно должна стать сигналом европей-
ской революции. «Россия, это — Франция нынешнего
века, — передавал Лопатин слова Энгельса. — Ей закон-
но и правомерно принадлежит революционная инициа-
тива *нового* социального переустройства!»¹

Вера в то, что в России вполне созрел революцион-
ный взрыв, что, начав свою революцию, она станет фа-
келом, от которого воспламенится Европа, воодушевила
Лопатина. В двадцатых числах октября 1883 г. Лопатин
отправляется в Россию, чтобы взглянуть на нее под но-
вым углом зрения и еще раз проверить свои выводы.
Вскоре он был вызван за границу.

30 января 1884 г. Лавров писал Энгельсу: «Доверяю
Вам одну *тайну* (впрочем Вы можете сообщить ее маде-
муазель Элеоноре): Лопатин здесь; он приехал на не-
сколько дней *по партийным делам* и страшно занят»².

В Париже весной 1884 г. собрался съезд остатков
партии «Народная воля», на котором присутствовали и
полномочные представители польской партии «Пролетарнат». Теперь обе партии выработали и приняли текст
соглашения о совместной борьбе с царизмом. Перейдя
к внутренним задачам, съезд в связи с изменением ус-
ловий решил реорганизовать партию: «...в центре, — как

¹ Воспоминания о Марксе и Энгельсе, М., 1956, стр. 208.

² Перениска К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими полити-
ческими деятелями, М., 1951, стр. 272.

писал И. И. Попов, — должна стать центральная группа из 17 человек, возглавляемая «Распорядительной Комиссией», заменившей Исполнительный Комитет. В состав этой комиссии вошли Г. А. Лопатин, Н. М. Салова и В. И. Сухомлин»¹.

На этом съезде Лопатин формально присоединился к партии «Народная воля». При этом он выставил одно условие: он не будет подчинять свои убеждения партийной дисциплине, на что получил согласие членов Исполнительного Комитета.

11 марта 1884 г. Лопатин возвратился в Россию и стал одним из лидеров революционной интеллигенции. По глубокому определению В. И. Ленина, интеллигенты-революционеры «исчерпали себя 1-ым марта»² и «своей непосредственной цели, пробуждения народной революции, они не достигли и не могли достигнуть»³. Тем не менее борьба интеллигентов-народовольцев не осталась бесплодной.

Вслед за К. Марксом и Ф. Энгельсом В. И. Ленин писал о русских интеллигентах-народовольцах: «Они проявили величайшее самопожертвование и своим героическим террористическим методом борьбы вызвали удивление всего мира. Несомненно, эти жертвы пали не напрасно, несомненно, они способствовали — прямо или косвенно — последующему революционному воспитанию русского народа»⁴. Еще раньше В. И. Ленин указывал, что «деятели «Народной воли» в самом начале царствования Александра III «преподнесли» правительству альтернативу именно такую, какую ставил перед Николаем II социал-демократия: или революционная борьба, или отречение от самодержавия. (См. письмо Исполнительного комитета «Народной воли» к Александру III от 10-го марта 1881 г., где поставлены два условия: 1. общая амнистия по всем политическим преступлениям и 2. созыв представителей от всех

¹ И. И. Попов, Герман Александрович Лопатин, М., 1930 стр. 42.

² В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 40.

³ В. И. Ленин, Соч., т. 23, стр. 235.

⁴ Там же.

русского народа при всеобщем избирательном праве и свободе печати, слова и сходов)»¹.

Авторитет такой партии революционной интеллигенции, несмотря на крах после 1 марта 1881 г. теории и тактики ее борьбы, в русском обществе оставался еще большим. Исторически изжившие себя народовольческие идеи как бы по инерции и в силу сохранявшихся социально-экономических основ, их порождавших, еще господствовали в среде революционной молодежи.

Г. А. Лопатин при осуществлении своих целей не мог не считаться с еще живым в революционной среде представлением о недавнем величии и грозной силе партии, остатки которой были разбросаны по всей России. Оказавшись в обстановке, когда «в рабочем классе не было ни широкого движения, ни твердой организации»², он вынужден был взяться за сплочение революционной молодежи и попытаться заставить ее служить решению намеченной им задачи. За короткий период деятельности, с марта по октябрь 1884 г., ему не только удалось восстановить, но и значительно расширить, еще больше сплотить ряды партии «Народной воли». Он сделал попытку вывести ее из кружковой замкнутости, чтобы превратить в массовую партию. Из материалов фонда Петербургского военно-окружного суда, разбиравшего дело Лопатина в 1887 г., видно, что лопатинская организация охватила громадную территорию страны — от Ревеля до Томска и от Архангельска до Ставрополя и Екатеринодара³.

Лопатин стремился превратить партию во всенародную организацию, куда вместе с революционной интеллигенцией должны были войти местные группы рабочих и крестьян. В описи отобранных у Лопатина и Саловой документов упоминаются программы рабочих групп партии. К сожалению, вещественные доказательства лопатинского процесса, очевидно, пропали, и мы не имеем возможности описать деятельность этих

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 5, стр. 51.

² Там же, стр. 40.

³ Центральный государственный военно-исторический архив (ЦГВИА), ф. 545, оп. 4, е. х. 298.

групп. К тому же подробное описание деятельности Лопатина и воссозданной им партии составило бы целую книгу, в то время как наша задача состоит в том, чтобы раскрыть лишь те его практические дела, которые помогут точнее дать образ этого замечательного революционера.

Нужно заметить, что после 1 марта 1881 г. революционная молодежь, оценивая случившееся, пришла к выводу, что террор, проводимый Исполнительным Комитетом против высших представителей власти, суживал и фронт борьбы и ряды партии. Эта молодежь считала необходимым расширить партию путем распространения террора на лиц, непосредственно стоящих над трудящимися. Отсюда главным требованием молодых становилось введение «аграрного» и «фабричного» террора. Одновременно они считали необходимым ограничить полномочия Исполнительного Комитета, который должен отчитываться перед периодически созываемыми съездами представителей местных групп партии и проводить в жизнь только то, что указывается съездом. На этих основах была создана новая партия, получившая название «Молодой партии Народной воли». Во главе ее был молодой и талантливый поэт П. Ф. Якубович.

Лопатин придерживался иных взглядов. Он считал необходимым на период организации разрозненных рядов партии, которая была деморализована широким предательством Дегаева и массовыми арестами, сохранить Исполнительный Комитет с его неограниченными полномочиями и отвергал «аграрный» и «фабричный» террор как средство борьбы и расширения партии. 26 апреля (8 мая) 1884 г. Лопатин писал Ошаниной, что он не признает права и нужды возбуждать аграрный террор «даже на минуту, в критический момент. На практике такой нужды никогда не может представиться. В подобные моменты народ сам бурлит и дурит; а интеллигенция, вся без остатка, ломится в главную цитадель»¹.

Далее Лопатин приводит свои доводы, на основании которых он доказывал молодым, что аграрный террор

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 24, л. 25.

может восстановить против них даже народ, «что это есть *всегда личный* протест (как вооруженное сопротивление и тюремные скандалы), а не система борьбы против общественных форм... что подобное дело, совершенное за себя и за своих, не исключает человека из партии, но не может быть проповедуемо как *система* войны за новый общественный идеал»¹.

Лопатин говорил, что он советовал молодым испробовать на практике этот террор, после чего, он уверен, дело не дойдет до пропаганды его в печати. Он при этом указывал им «на историю политического террора, которая шла именно так». Для Лопатина, таким образом, ни аграрно-фабричный террор, предлагаемый «молодыми», ни политический террор, проводимый Исполнительным Комитетом, не были приемлемы «как система войны за новый общественный идеал». Однако, отправляясь в Россию, он намеревался в первую очередь организовать ряд террористических актов (убить прокурора Московской судебной палаты Муравьева и министра внутренних дел Толстого) и издать № 10 «Народной воли». Эти выстрелы и выход прекратившейся газеты должны были возвестить о том, что партия жива, и прозвучать набатом, зовущим молодежь в ее ряды.

Однако на практике Лопатин пошел по другому пути, чем в свое время Исполнительный Комитет, в принципе не считавший политический террор главной и первостепенной своей задачей, но на деле превративший его и в то и в другое.

В первую очередь Лопатин занялся организацией сил партии и стремился распространить ее влияние на всю страну. 2 (14 апреля) 1884 г. он обратился к заграничному центру с просьбой прислать ему статью, которая «проводила бы эту идею как *развитие* того пункта программы, где говорится о пропаганде и агитации в народе с целью образования ядра сознательных социал-революционеров, которые выступили бы руководителями слепых масс в момент политического переворота»².

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, с. х. 24, л. 25.

² Там же, л. 10.

О чем говорилось по вопросу пропаганды и агитации в программе Исполнительного Комитета? «Пропаганда имеет своей целью, — читаем мы в ней, — популяризовать во всех слоях населения идею демократического политического переворота как средство социальной реформы, а также популяризацию собственной программы партии. Критика существующего строя, изложение и уяснение способов переворота и общественной реформы составляют сущность пропаганды.

Агитация должна стремиться к тому, чтобы со стороны народа и общества заявлялись в наибольших размерах протест против существующего порядка и требование реформ в духе партии, особенно же требование созыва Учредительного собрания. Формами протеста могут быть сходки, демонстрации, петиции, тенденциозные адреса, отказ от уплаты податей и пр.»¹ И далее: «Главная задача партии в народе — подготовить его содействие перевороту и возможность успешной борьбы на выборах после переворота, борьбы, имеющей целью проведение чисто народных депутатов. Партия должна приобрести себе сознательных сторонников в наиболее выдающейся части крестьянства, должна подготовить себе активное содействие масс в наиболее важных пунктах и среди наиболее восприимчивого населения»².

О развитии этих пунктов программы и говорил Лопатин. Иначе говоря, он стремился направить партию на путь широкой политической борьбы и требовал развития именно этой части старой программы, которую народовольцы, увлекшись террором, выполняли очень слабо. Только на основе проведения широкой политической борьбы партия могла выйти из кружковой замкнутости и усилить свою связь с местами. «При этом, — писал Лопатин о задачах членов партии на местах, —

а) члены партии не имеют права «вызывать» частных вспышек и единичных нападений, зная все их

¹ «Народническая экономическая литература», М., 1958, стр. 386.

² Там же, стр. 387.

бессилные в деле переделок в качестве «воспитательных» средств и «опытов»...

б) но они обязаны «становиться на сторону» народа во всех самородных явлениях такого рода, чтобы:

а) сделать их более целесообразными и удачными.

б) сберечь по возможности их участников от худых последствий,

в) дать им (фактам) наиболее широкий отзыв,

г) выяснить их значение для народа и общества,

д) а главное — показать народу тесную связь между его интересами и задачами партии»¹.

В отобранной у Лопатина при аресте рукописи, о которой в протоколе-описи говорится, что она «составлена в крайне революционном духе», прямо было заявлено: «Мы, со своей стороны, снова выступая на попрание активной борьбы, заявляем, что главной нашей задачей остается, как и прежде, политическая борьба, ближайшей своей целью имеющая в виду: «созыв Учредительного собрания, избранного всенародной подачей голосов»².

Не случайно в одном из некрологов, посвященных в 1919 г. Лопатину, было сказано: «Когда Лопатин вместе с другими возродил партию «Народная воля», то вместо лозунга «месть и борьба» он начертал на знамени своем лозунг «свобода слова и свобода печати»³.

Стремясь объединить революционные силы России на изложенных здесь основах, Лопатин встретился с решительным противодействием молодых, которые вели к полному расколу всего движения. Лишь обойдя вождей и работая среди рядовых членов «Молодой партии Народной воли», Лопатин сумел «переманить» их на свою сторону, после чего сложили «оружие» и руководители. Якубович впоследствии откровенно признавался, что он искренне верил в свои идеалы и вел честную борьбу с Лопатиным, но только потом понял, что ошибался, и стал на его сторону. С объединением сил совместно было организовано издание в Дерпте и Ростове-

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 24, л. 11.

² ЦГВИА, ф. 545, оп. 4, е. х. 298, т. I, ч. 2, л. 20 об.

³ «Вестник литературы» № 1—2, 1919 г., стр. 11.

на-Дону № 10 «Народной воли» (конец сентября 1884 г.). «№ 10 ошеломил правительство и был встречен обществом с радостью»¹, — писал об этом событии И. И. Попов.

Передовая статья № 10 «Народной воли» «Вместо внутреннего обозрения» была написана Лопатиным и отражала основные идеи его письма Ошаниной. Указывая на брожение в народе, который вконец истрадался и, ища выход, беспокойно бьется в своих узах, Лопатин писал, что в этом смертном брожении нельзя видеть начало победоносной народной революции, но что в таких условиях громкий призыв к народу «глубоко всколыхнет народное море и вызовет в нем радостный отклик. Раздастся ли этот призыв с высоты трона, поколебленного ударами революционеров, или же он будет сделан самой партией, захватившей на момент в свои руки правительственную власть, — это все равно. Мы твердо верим, что и в том и в другом случае народ не пропустит мимо ушей обращенного к нему призыва... Он найдет вокруг себя людей, которые сформулируют его нужды, требования и желания в толковые «наказы» его избранникам, что он сумеет инстинктивно отличить друзей от врагов и что он поддержит всею дикою мощью непобедимой стихийной силы истинных представителей и заступников его интересов в недрах будущего Земского Собора»².

Все это уже знакомые нам слова, которые теперь представляли собой призыв к действию, к борьбе за созыв Земского собора, где народ в наказах своим избранникам выразит свою волю. Как и в письме Ошаниной, Лопатин затрагивал здесь вопрос о судьбе решений Земского собора, но теперь определенно заявлял: «Мы твердо верим, что грядущая государственная реформа не может вырождаться на нашей почве в чисто *политическую* «конституцию», но непременно принесет с собою все те аграрные и иные экономические и социальные

¹ И. И. Попов, Герман Александрович Лопатин, М., 1930, стр. 45.

² «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 149.

реформы, какие совместимы с нынешним умственным развитием человечества»¹.

Заключительная часть этой фразы сформулирована явно уклончиво и в самой общей форме. Естественно, находясь в окружении людей, целью которых была социалистическая революция, Лопатин, учитывая требования момента, не мог вступить с ними в теоретический спор и доказывать, что в тогдашних исторических условиях этот высокий идеал сразу осуществить было нельзя, что сначала нужно добиться тех результатов, «которые возможны, желательны и осуществимы для данной эпохи».

Еще в 1883 г. Лопатин писал Опаниной, что их рассуждения с Энгельсом не вполне понравятся ей. Не могли они понравиться и тем революционерам, которых Лопатин собирал в ряды воссоздаваемой партии, хотя объективно борьба народовольцев могла бы привести лишь к тем же буржуазно-демократическим преобразованиям, которые стояли на очереди исторического развития России и которые сознательно стремился ускорить Лопатин. В этом коренное отличие взглядов и деятельности Лопатина от взглядов и действий его современников — народовольцев.

Лопатина, кажется, роднит с народовольцами признание необходимости отдельных актов террора. Но это только кажущееся родство, ибо здесь речь идет именно об отдельных актах террора, которые должны были возвестить властям, что партия, убившая царя, жива, боеспособна и продолжает начатую войну с царизмом, а для молодежи стать призывным звуком. Террор же как систему борьбы Лопатин отрицал. Именно поэтому, указывая в заключении передовой на главные задачи своих товарищей, «в особенности же рабочих и сельских групп», он не говорил о терроре. Он видел эти задачи в том, «чтобы пользоваться всяким случаем для выяснения народу, что основная причина всех угнетающих его зол лежит не в злодействе отдельных личностей,

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 149.

а в общем строе современного порядка вещей, опирающегося прежде всего на самодержавное правительство»¹.

Лопатин здесь прямо указывал, что основная причина бед заключается не в антинародной деятельности отдельных личностей, а в самом строе, который опирается на самодержавное правительство. Исходя из этого, он и делал вывод, что террор не пригоден «как система войны за новый общественный идеал». То же самое говорил Лопатину и Энгельс во время их бесед в 1883 г.

Оглядываясь на прошлое, зная, как развивались события, куда легче или совсем легко выносить приговор тому или иному историческому деятелю. Мы знаем, что даже Маркс и Энгельс, правильно вскрывая положение дел в России, переоценивали возможности ее революционных сил, действовавших в 70-х — начале 80-х годов XIX в., или, как европейцы, в полной мере не могли себе представить, что русский крестьянин способен на такое терпение, которое не под силу ни одному европейскому народу. Лопатин разделял это заблуждение своих друзей и великих наставников, и все-таки имя его должно быть поставлено одним из первых в ряду революционных деятелей 70-х — начала 80-х годов, так как он одним из первых в России понял марксизм как научную теорию социализма, первым, руководствуясь им в конкретных исторических условиях, когда пролетариат еще не выступал на арену борьбы как класс, выступил не за социалистическое, тогда неосуществимое, а буржуазно-демократическое преобразование страны.

Одновременно с этим встает вопрос: удалось ли Лопатину полностью освободиться от той идеологии, которая порождалась всем ходом исторического развития России и была господствующей в годы его революционной борьбы? Отразились ли специфические условия социально-экономического положения России 70-х — начала 80-х годов на мировоззрении и практической борьбе революционера? Безусловно, Лопатин не мог, как

¹ «Герман Александрович Лопатин (1845—1918)». Автобиография, стр. 150.

революционер-практик, действуя в России, где в 70-х — начале 80-х годов пролетариат еще не сформировался и не выступал самостоятельной политической силой, не считаться с паличными революционными силами в стране. Таким образом, сама историческая обстановка обуславливала линию его поведения и методы борьбы. Он хотел приспособить имевшиеся в России революционные силы для осуществления назревших в стране преобразований, но одновременно он должен был в какой-то мере и сам приспособиться к привычкам и взглядам русских революционеров-народовольцев. Отсюда его согласие формально присоединиться к партии «Народная воля», подготовить один-два мобилизационных акта террора и надежда на интеллигенцию, которая в процессе всенародного восстания захватит власть и провозгласит созыв Учредительного собрания. Но при всем этом Г. А. Лопатин признавал решающую роль в истории за народом.

Осуществить свои намерения переворота в России Лопатину не удалось. В самый разгар деятельности воссозданной им революционной организации он вместе с Саловой был арестован (6 октября 1884 г.). Отобранные у них бумаги и записные книжки, адреса позволили раскрыть всю организацию. Власти произвели массовые аресты в центральных и периферийных городах и даже в селах.

* * *

С 6 октября 1884 г. Герман Александрович Лопатин был на долгие годы «изъят» из жизни. После почти трехлетнего следствия, во время которого он находился в Александровском рavelине Петропавловской крепости, Германа Александровича Лопатина и большую группу его товарищей с 26 мая по 4 июня 1887 г. судил Петербургский военно-окружной суд.

Г. А. Лопатин произнес на суде яркую речь, в которой говорил, что он не признает судей военного суда законными судьями своих дел, что над всеми «есть суд высший, который произнесет со временем свой правди-

вый и честный приговор: этот суд — история». Он высказал сожаление лишь о том, что мало сделал.

Германа Александровича, как и 13 других его товарищей, сначала приговорили к смертной казни через повешение, а затем почти через три недели ожидавшим смерти осужденным объявили царскую «милость»: большинству из них смертная казнь заменялась разными сроками заключения или каторги, а четверых, в том числе Г. А. Лопатина, царь обрек на пожизненное заключение в Шлиссельбургской крепости.

23 июня 1887 г. Г. А. Лопатина ввели под своды тюрьмы и с этого времени до 28 октября 1905 г. он стал значиться под № 27 — номером своей одиночной камеры, который заменил ему собственное имя.

13 января 1915 г., когда многочисленные поклонники старого революционера чествовали его в день семидесятилетия, Герман Александрович писал, что «только могучему стихийному движению столичного пролетариата и сельских масс удалось добиться в 1905 году частичного осуществления кой-каких из наших стремлений и вернуть к жизни тех из нас самих, которые не были еще убиты насмерть...»¹.

Сам Герман Александрович, выйдя из крепости с сильно подорванным здоровьем, не принимал участия в революционной борьбе, но он жадно следил за всеми событиями внутренней и международной жизни и хорошо знал их.

Он продолжал заниматься переводческой работой. Им были переведены на русский язык письма К. Маркса и Ф. Энгельса Н. Даниельсону. Лопатин, таким образом, положил начало публикаций переписки Маркса и Энгельса с русскими политическими деятелями.

Февральская революция была встречена Лопатиным с глубокой радостью. Почти совсем слепой и глухой, он с 24 по 28 февраля беспрестанно бродил по улицам Петрограда и был живым свидетелем нарастания и свершения революции. Возвращаясь домой, Лопатин каждый день записывал виденное и слышанное, и этот его

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329. оп. 1, е. х. 9, л. 47.

дневник¹ может быть интересным документом для историков Февральской революции.

«Попадал, конечно, не раз под обстрел из винтовок и пулеметов, оставаясь стоять даже тогда, когда мои случайные товарищи временно разбегались,— писал Лопатин о своих последних боевых днях,— ибо быть сраженным пулей в такой торжественный день на склоне моей жизни и накануне почти полного калечества я счел бы за счастье...»²

Это было последнее оживление сил, последний взлет высокого духа, торжествовавшего победу. Октябрьская революция застала Германа Александровича тяжело больным в Петропавловской больнице, где он и скончался 28 декабря 1918 г. Похоронили его на Литературных мостках Волкова кладбища рядом с Г. И. Успенским и И. С. Тургеневым, с которыми он был так дружен.

Прошли годы. Великие идеи Маркса превратились в силу, созидующую новое общество. Отдавая дань гению Маркса, мы не забываем и тех, кто рядом с ним на далеких исторических подступах к социалистической революции боролся за утверждение марксизма. Среди них Герман Александрович Лопатин занимает особое место. Он был не только современником Маркса и Энгельса, но и ближайшим их другом и соратником.

Его жизнь — пример мужества, отваги и самопожертвования, служения до конца передовым идеалам своего времени.

¹ ЦГАЛИ, ф. 1329, оп. 1, е. х. 5.

² Там же, е. х. 9, л. 2.

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ	3
<i>Глава I. ПЕРВЫЕ ШАГИ РЕВОЛЮЦИОНЕРА . .</i>	<i>11</i>
✓ Студенческие годы	—
✓ Первая ссылка	15
<i>Глава II. ПОЛГОДА С МАРКСОМ</i>	<i>25</i>
✓ Вступление в Интернационал	—
✓ В лагере эмигрантов	27
✓ Переезд к Марксу в Лондон	31
✓ Попытка спасения Н. Г. Чернышевского . .	42
<i>Глава III. ВСЕГДА С РОДИНОЙ</i>	<i>51</i>
✓ Г. А. Лопатин и идеологи революционного народничества	—
✓ Ташкентская и вологодская ссылки	66
За демократическую революцию	69

Антонов, Василий Федорович

РУССКИЙ ДРУГ МАРКСА (Герман Александрович
Лопатин). М., Соцэргиз, 1962.

93 с. с илл., 2 л. илл.

ЗК16

Редактор И. Жук

Младший редактор В. Незнамов

Оформление художника С. Бочарова

На обложке портрет Г. Лопатина —

гравюра художника А. Калашникова

Художественный редактор Г. Чеховский

Технический редактор Л. Уланова

Корректоры О. Шарыгина, Л. Чигина

Сдано в набор 3 октября 1962 г. Подписано
в печать 24 ноября 1962 г. Формат бумаги
84 × 108¹/₃₂. Бумажных листов 1,56. Печатных
листов 5,12. Учетно-издательских листов 4,41
(с наклейкой) Тираж 45 000 экз. А11401.
Заказ № 3406. Цена 14 коп.

**Издательство
социально-экономической литературы
Москва, В-71, Ленинский проспект, 15**

**Первая Образцовая типография
имени А. А. Жданова
Московского городского совнархоза.
Москва, Ж-54, Валуевская, 28.**